

Александр Ангаров

*Спиной
к тигру*

Приключенческий детектив

Александр Ангаров

Спиной к тигру

«Издательские решения»

Ангаров А.

Спиной к тигру / А. Ангаров — «Издательские решения»,

Произведения искусства не всегда являются культурным наследием минувших веков и поколений, но иногда и средством наживы, порой даже очень криминальным. Когда тебе в руки попадают старые письма малоизвестного художника Оганова, то становится понятным, насколько дороги его картины. И дело даже не в искусстве. А в тайне, которую они хранят...

© Ангаров А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Спиной к тигру

Приключенческий детектив

Александр Ангаров

*«Все виды искусств служат величайшему из искусств – искусству
жить на земле»*

Бертольд Брехт

© Александр Ангаров, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Марк Давидович Янгель открыл глаза и, плохо соображая, стал озираться по сторонам. Предметы вокруг выглядели как будто бы знакомыми, но что-то мешало ему разглядеть их получше. Они словно живые медузы расплывались, как только он пытался сосредоточить на чем-то взгляд. Наконец-то он понял причину этого явления. На глазах не было очков. А без них он почти превращался в слепого крота. Марк Давидович облегченно вздохнул. Сейчас он наденет очки, и все станет на свои места. Глаза наконец-то привыкли к свету и Янгель узнал в обстановке свою собственную ванну. То есть он сам лежал в ванной, его любимой просторной ванной, с усыпанными по всему периметру дырочками для гидромассажа и сверкающими никелем поручнями. Он часто пользовался ей. Ему нравилось ощущать, как струи воды, с легким запахом лаванды, нежно ласкают его грузное старческое тело. После таких процедур он чувствовал себя помолодевшим и полным сил, и энергии. Но сейчас он лежал в совершенно порожней ванне, и в тело, от белоснежной эмали, которой была покрыта ванна, колючими иглами уже начал проникать холод. Одежды на нем не было.

Наверное, я нагнулся, чтобы открыть кран, – подумал Марк Давидович, – и, потеряв сознание, свалился в нее.

И как бы в ответ, на эти нерадостные выводы, все его тело отозвалось тупой ноющей болью во всех его органах.

– Вот и старость подобралась. С грустью заключил Янгель. Пора бы и помощника себе подыскать, чтоб ухаживал. А еще лучше помощницу, и к тому же не очень пожилую. А то так и до беды недалеко».

Он попробовал пошевелить рукой, но ему это не удалось. Собственно руки были у него за спиной, прижатые ко дну ванны его собственным телом. Марк Давидович попытался повернуться набок, и ему это почти удалось, но руки по-прежнему не двигались. Словно какая-то сила удерживала их. Он попытался пошевелить пальцами. Хоть и с трудом, но пальцы шевелились. И тут в сознание Янгеля закралась страшная догадка. Он связан и брошен в ванну грабителями! Специально.

Марк Давидович прикусил губу и громко застонал. Но вскоре он попытался все же взять себя в руки и успокоиться.

Что ж, – размышлял он, – если это грабители, то им крупно не повезло. Сейчас явится его охранник, молодой здоровенный парень, с крепкими бицепсами и живо расправится с этими мерзавцами. Один его вид наводил на всех ужас. Он специально подбирал в охранном агентстве именно такого. Не долго осталось. Небось, отлучился в ближайший магазин за сигаретами. Хотя нет, он не курит. Тогда где же его черт носит! Вот пусть только явится, уж он устроит ему взбучку...

И тут Марк Давидович почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу. Он вдруг вспомнил, что не далее как сегодня утром, сам лично отпустил охранника до восьми часов вечера! Сам. И никто его об этом не просил. Марк Давидович решил в этот день провести ревизию своей коллекции и поэтому хотел остаться наедине. Вот и остался! Сам виноват. И вообще, люди его уровня поступают мудро и держат не одного, а минимум двух охранников. У него же в данный момент не было ни одного. Хотел сэкономить, старый дурак. Вот и доэкономился. Лежи теперь в своей собственной ванне и жди, пока вынесут твое добро.

Ну что ж, – подумал он, – ничего не поделаешь. Придется смириться. Хороший урок на будущее.

Янгель стал мысленно прикидывать, сколько всякого добра придется лишиться. Со сколькими картинами, статуэтками, вазами, панно и другим ценным антиквариатом ему

придется расстаться. А еще как назло он оставил крупную сумму денег в комод. Он приготовил их для покупки очередного шедевра. Ему обещали Айвазовского.

Тьфу! – зло выругался антиквар, – вот тебе и престижный загородный дом. Кто бы мог подумать, чтобы в элитном районе, среди бела дня... Хорошо, что еще главные свои сокровища спрятаны надежно. До них бандитам не добраться. И все-таки, было до боли обидно, как он мог, на старости лет, казалось бы, умудренный опытом, попался на мякине, просто как мальчишка. Наверное, заигрался. Потерял бдительность. Уж слишком долго все было так хорошо. Он прикрыл веки и снова застонал. Ах, если бы это был сон. И проснувшись, все было бы по-прежнему. Он открыл глаза и увидел перед собой незнакомого человека. Это был не сон. Человек был настоящим. Тот стоял и молча разглядывал антиквара. От его взгляда Марк Давидович весь сжался. Ему показалось, что он встретился взглядом с удавом. Он почувствовал, как противная испарина выступила не только на его лысом черепе, но и под мышками.

– Что вам нужно? Визгливым голосом закричал Янгель.

– Ты знаешь сам. Хмуро отозвался грабитель.

– Забирайте все и убирайтесь.

Голос антиквара сорвался на хрип. Стоявший перед ним человек почему-то внул ему ужас.

Мне не нужно все. Спокойным голосом ответил мужчина

– Мне нужно только то, что ты усердно прячешь.

– У меня больше ничего нет. Возьмите деньги, ценности и убирайтесь.

– Если бы ты знал, сколько раз я слышал эту фразу, – тяжело вздохнув, произнес незнакомец. Он был похож на уставшего доктора, который целые сутки не отходил от операционного стола. И словно угадав, о чем думает Янгель, положил на умывальник новенький, с никелированными замками, докторский саквояж.

– Что вы собираетесь делать? – антиквар с ужасом наблюдал, как мужчина, надев резиновые перчатки, раскладывает на тумбочке для белья хирургические инструменты.

– Я просто буду вести с тобой беседу. Мне нравится разговаривать с людьми.

– Вы что, доктор? Мне не нужен врач! Глаза антиквара лихорадочно перебежали с незнакомца, на его, наводящие ужас, инструменты.

– Да. Ты почти угадал. Я врачеватель человеческих душ. Грешных душ. Обремененных соблазнами и пороками. Я их облегчаю. Можешь мне исповедоваться.

– Я не хочу с вами разговаривать! Марк Давидович попытался поглубже вжаться в ванную, – Я все сказал!

– И эту фразу я слышал тысячу раз. Но уверяю тебя, ты очень ошибаешься. Как впрочем, ошибались и те, с кем довелось мне беседовать до тебя.

Грустно улыбнувшись, незнакомец взял в руки блестящие щипцы.

Глава 2

Олег открыл дверь своим ключом и тихо прошел в квартиру. Он мог бы конечно позвонить, но не хотел будить своего товарища, если конечно тот все еще не сидел с ночи за компьютером. Да и Костя Лиговский, его сосед по квартире и товарищ по бизнесу, очень сердился, когда его тревожили по пустякам. Но Олег ошибся. Квартира была пуста. На всякий случай он громко позвал по имени своего товарища, но никто не отозвался.

– Возможно, вышел подышать свежим воздухом, – предположил Олег и прошел в свою комнату. Квартиру, которую снимали они вдвоем с Костей, была двухкомнатной и каждый облюбовал себе по комнате. Правда, они были разных размеров, и чтоб никто не был в обиде, пришлось даже бросать жребий. Олегу досталось помещение поменьше, но его это не огорчило. Ему было достаточно в ней комфортно – удобный диван, журнальный столик и телевизор. В комнате же Кости, шкафом для одежды было отгорожено небольшое пространство в виде отдельного рабочего кабинета с письменным столом, компьютером и нескольких подвесных полок с различной справочной литературой. Началось это еще полгода назад, когда фирма по продаже запасных частей к автомобилям, в которой работал Олег, пришла в упадок и вскоре закрылась. Так, не проработав еще и трех месяцев, перед Олегом снова встал вопрос о трудоустройстве. Ему предстояло заново начинать долгую эпопею с посещением офисов различных фирм, составлением резюме и нудных собеседований. Но все вдруг разрешилось самим собой. Костя Лиговский, который работал в той же фирме системным администратором и с которым Олег особо дружбы не водил, (разве что только по работе) вдруг предложил ему участвовать в одном деле. Позвонив как-то Олегу, он поинтересовался:

– Ну что, чем занимаешься? Подыскал себе место?

Олег особо звонку не удивился. Он и сам обзванивал всех своих знакомых, в надежде найти нормальную работу. Пока, правда, безуспешно.

– Пока только составляю список фирм, где требуются сотрудники. А ты?

– У меня к тебе деловое предложение, – без лишних предисловий заявил тот. – К тебе можно подъехать?

Почему Лиговский выбрал именно Олега из почти трех десятков сотрудников фирмы, для него так и осталось загадкой, но предложение Кости он принял. Хотя поначалу оно показалось ему странным. Лиговский предложил Олегу заняться весьма своеобразным и необычным бизнесом – скупкой и продажей антиквариата. Конечно, в том, что нужно было что-то покупать и продавать, не было ничего необычного. Вся страна с некоторых пор превратилась в один большой базар, и почти весь бизнес был построен на скупке и продаже чего-либо, будь то нефть, металлы или сахарный песок. Но торговать антиквариатом! От этого как-то пахло нафталином. Да и судя еще по фильмам советских времен, этим занимались в основном лишь жулики. Но Костя быстро развеял его опасения, заверив, что сейчас многие занимаются этим и довольно успешно. И в этом нет никакого криминала. Если конечно не преступать закон и не скупать краденное. Тем более что, кроме основной работы на фирме Лиговский уже довольно продолжительное время потихоньку вникал в этот непростой бизнес и даже умудрился немного на этом заработать. А специфика этой работы заключалась в том, чтобы в различных рекламных объявлениях, газетах, либо на компьютерных он-лайн аукционах находить и приобретать различные старинные вещи. А после, найдя подходящего покупателя с прибылью эти вещи продавать. Тем более что с увеличением в стране богатых людей интерес к этим вещам с каждым днем возрастал. «Новые русские» непременно хотели видеть в своих роскошных особняках предметы старины и Олег с Костей им в этом с удовольствием помогали. Дело было новое. Все-таки Олег был по образованию экономист, но, посидев недельку за специальной литературой по истории, архитектуре и искусству, он быстро освоил новую профессию.

Хотя, знакомясь с различными людьми, он вскоре понял, что антиквар – это скорее не профессия, а призвание. Причем занимаются этим люди, фанатично любящие свое дело. Поначалу, (поскольку начальный капитал состоял лишь из небольшой суммы личных сбережений Олега с Костей) было трудно, и приобретенный антиквариат состоял лишь из старых подсвечников, самоваров, бронзовых статуэток и пр. Но однажды им просто повезло. В одной из газет им попало объявление о продаже картины неизвестного художника. За сравнительно небольшую сумму им удалось приобрести это полотно. А когда они провели экспертизу, то выяснилось, что работа принадлежит не кому-нибудь, а кисти великого мастера пейзажей самого Куинджи. Покупателя нашли довольно быстро. С тех пор и пошло. Подсвечники и самовары отошли в прошлое. Они полностью переключились на картины и постепенно лавка древностей (так они называли комнату Олега, переоборудованную в небольшое хранилище антиквариата) стала освобождаться.

«Это даже, кстати, что Константина нет дома. Будет ему сюрприз», – с улыбкой подумал Олег, аккуратно вынимая из футляра для хранения чертежей свернутое в трубочку полотно. Купить картину – была собственная инициатива Олега, и Лиговский об этом не знал. Хотя по взаимной договоренности этим должен был заниматься Костя. Также в круг его обязанностей входило и вся организационная работа, т.е. поиск продавцов и покупателей, подключением всевозможных экспертов – искусствоведов в различных областях и прочих специалистов и просто нужных людей. Всю же остальную работу – командировки, встречи с клиентами, с теми же экспертами и искусствоведами, должен был осуществлять Олег. Как он выражался, – вся копытная работа лежала на нем. Но он не роптал. Он считал Костю если не компьютерным гением, то, во всяком случае, мозговым центром их небольшого предприятия, которое благодаря их совместным усилиям понемногу процветало.

Олег развернул полотно и аккуратно разложил его на столе. Это была картина художника, о котором он до сих пор не слыхал. Его звали Дмитрий Оганов. Костя как-то обронил, что набирают цену работы русских мастеров начала прошлого века. Это был как раз такой случай. Оганов был эмигрантом первой волны и почти всю жизнь прожил во Франции. Этим и объяснялась его неизвестность. Тем не менее, он считался русским художником, и его предки по-прежнему проживали в России. Пожилая женщина, продавшая ему одну из трех имеющихся у нее картин Оганова, представилась ему дочерью художника и поначалу запросила за картину астрономическую цену. Олег хотел было уже уйти, решив, что старушка не в ладах с головой. Но в результате дипломатических усилий, предпринятых Олегом, сошлись на пятистах долларах. Картина была выполнена хорошим мастером и просто завораживала своим естеством. Эта была приемлемая цена и при правильном подходе, можно было неплохо на ней заработать. Эту часть работы должен был как раз проделать Константин.

До слуха Олега донесся щелчок открывающегося замка. Через минуту на пороге появился Лиговский.

– Привет, – Олег отошел в сторону, открывая пространство перед столом, – посмотри, что я откопал!

Но вопреки ожиданиям, Костя лишь мельком скользнув взглядом в сторону картины, прошагал в свою комнату. Олег знал Костю достаточное время, чтобы изучить его характер. И то, что тот был скуп на похвалы и не выражал бурных эмоций даже после удачных сделок, а всяким развлечениям предпочитал общение с компьютером. В отличие от Олега, который всегда был улыбчив, общителен и легко контактировал с людьми. А если удавалось провернуть выгодное дельце, не упускал возможности отметить это где ни будь в кафе или оттянуться на дискотеки в компании симпатичной девчонки. Но в этот раз вид у Кости был какой-то особенный. Не то чтобы озабоченный или через чур удрученный. У него был вид человека, которому поручено сообщить пренеприятное известие. Олег это сразу почувствовал, и в голове вихрем закружились тревожные мысли.

Налоговая? Маловероятно. Он знал, что Лиговский вел документацию очень аккуратно, и подкопаться там было практически не к чему. «Наехали» бандиты? Но не такая уж у них «крутая» фирма. Оборот всего лишь несколько тысяч долларов. Таких сотни или даже тысячи. Возможно, они приобрели очередную достопримечательность, отвалив за нее огромные деньги и которая в итоге оказалась подделкой? Такое случалось на заре их совместной деятельности. Куча мошенников на рынке искусства из века в век не изменившись, предлагают великолепные подделки великих мастеров, выдавая их за подлинные шедевры. Так и «ходят» до сих пор по свету лже-Рембрандты, лже-Родены и лже-Страдивари. В память о подобной сделке на стене в комнате Лиговского продолжала висеть картина лже-Гогена «Черная купальщица», являясь ярким напоминанием того, что не перевелись еще в мире (и вряд ли переведутся) доверчивые простаки. После того злосчастного случая, они уже не верили на слово, а предпочитали доверять это специалистам – экспертам, искусствоведам, которые могли бы дать стопроцентную гарантию подлинности предоставленного им произведения. Это стоило денег, но в итоге оправдывало себя. И, в общем-то проколов больше не случалось. Олег перебрал в голове все возможные причины, но так и не смог понять причину странного состояния товарища. Но Костя, словно собравшись с силами, заговорил:

– Олег. Мне нужно с тобой серьезно поговорить.

– Ну?

– Понимаешь, – Костя упорно старался избегать взгляда Олега, словно опасаясь, что тот прочтет его мысли. Но за толстыми линзами очков все равно ничего нельзя было разглядеть. Глаза, всегда ничего не выражавшие, и теперь оставались мутно-голубыми.

– Понимаешь, – Лиговский почесал коротко стриженный затылок, – я решил выйти из дела.

– Что? – Олег вопросительно уставился на товарища.

– Я ухожу из фирмы.

– Постой, – Олег крутанул головой, словно стряхивая из нее дурные видения, – Как уходишь? Тебе в ней что-то не устраивает? Или не устраиваю тебя я как компаньон?

– Н..нет. Не то. То есть в этом плане все нормально. И ты меня устраиваешь. Дело в другом.

– В чем же?

– Дело скорее во мне.

– То есть?

– Ну, понимаешь. Как бы тебе это объяснить. Вот как ты думаешь, мы добились какого-то успеха в бизнесе?

– Я полагаю – да. А почему ты об этом спрашиваешь.

– Хочу услышать твое мнение.

– Ну... У нас практически налаженное дело. Но я думаю, что главные успехи еще впереди. Правда у нас еще мало средств, но чем больше у нас будет оборотный капитал, тем грандиознее сделки мы сможем совершать. Открыть свой магазин, наконец, а возможно и участвовать в аукционах.

– Да. Все это так, – Костя слегка скривил губы, словно ожидал услышать нечто другое, – все это так. Но когда мы выйдем на этот уровень, как ты говоришь, пройдут годы, а возможно и десятки лет.

– А как же иначе? – удивился Олег, – У нас же нет состоятельного спонсора. Да и многомиллионного наследства ждать не от кого.

– Дело даже не в этом.

– А в чем?

– Просто я для себя считаю, что эту планку я уже преодолел. Мне хочется чего-то большего.

- Большого? – переспросил Олег. Он по-прежнему не понимал, чего хочет его товарищ.
- В общем, я хочу попробовать себя в другом деле.
- И что же это за дело, если не секрет?
- Игра на бирже! – выдохнул Костя, – на электронной конечно. Сейчас многие этим занимаются и, кстати, неплохо на этом зарабатывают.
- На бирже? – переспросил Олег.
- Ну да.
- Но ты же сам говоришь, это игра. И очень рискованная. Там можно выиграть, а можно и тю-тю.
- Не исключено. Да, согласен, это риск. Но при определенных условиях этот риск можно свести к минимуму.
- Надеюсь, ты хорошо все взвесил. Ведь то, чем занимаемся мы, уже налаженное дело, дающее стабильный доход. Риска – почти никакого. А то, чем собираешься заняться ты... Уж очень какое-то сомнительное предприятие. Похоже на казино. И потом, нужно хотя бы попробовать, а уж потом окунаться в это дело с головой.
- А я уже попробовал, – Костя снова поправил на носу очки и отвел взгляд, – поиграл на досуге. И у меня получилось.
- Ты выиграл? – на лице Олега читалось искреннее удивление.
- Да. Представь себе, – глаза Кости светились восторгом, – Я прокрутил деньги фирмы и выиграл.
- Ты играл на наши общие деньги и даже не посоветовался со мной?
- Я подумал, что, вряд ли ты дашь на это согласие. Поэтому проделал это без твоего ведома. И потом, считай, что я всего лишь взял займы твою долю. Ты бы мне в этом не отказал, ведь так?
- Да. Но ты ведь мог и проиграть. И что тогда?
- Но я ведь не проиграл. И деньги на месте, – Лиговский снова поправил очки, – В общем, я ведь мог тебе об этом и не сообщать, но я все же поставил тебя в известность. А теперь о деле. Вернее о разделе. Я полагаю, что вместе с причитающей мне долей нашего фонда, мне остается и то, что я заработал на бирже. Я думаю, что здесь не должно быть недомолвок, – Костя замаялся, – Ведь ты в этом не участвовал, правда?
- Олег молча кивнул, хмуря брови.
- Ну а оставшаяся часть нереализованного антиквариата рано или поздно найдут своих покупателей. И ты, я надеюсь на твою порядочность, вернешь причитающуюся мне долю.
- Кто бы говорил о порядочности, – зло подумал Олег, – а сам-то как поступил?
- Послушай, Костя. Мне кажется, ты поторопился, – Олег пытался остановить товарища, хотя его поступок Олега очень огорчил, – Я тут приобрел одну интересную вещицу. Не хочешь взглянуть?
- Все, все, – Лиговский замахал руками, – теперь это уже твои дела. Считай, что ты совершил эту сделку уже без меня. Я собираю вещи и удаляюсь. Кстати, можешь оставить компьютер себе. Я уже приобрел «ноутбук».
- Ну, спасибо тебе за подарок, – Олег нервно повел плечами, – если не считать, что компьютер куплен на мои деньги.
- Как бы там ни было, ты все равно остаешься в выигрыше, – Костя спешно складывал вещи в объемную спортивную сумку, – тебе остается готовый бизнес, а мне предстоит все начинать с нуля.
- Но тебя ведь никто не гонит. Можешь жить здесь и заниматься своими биржами. Места для двоих хватит.
- Олег чувствовал себя так, словно из под ног у него уходила опора.

– Н... не стоит. Разные дела. Мы только будем мешать друг другу. Я уже подыскал себе жильё

Костя, волоча за собой сумку, протиснулся в коридор.

– Постой. А как же я теперь буду справляться? Ведь все контакты завязаны на тебя.

– Легко. Вся база наших клиентов найдешь в компьютере. Ты справишься. Ну, а возникнут трудности – звони. Номер мобильного ты знаешь.

Дверь с тихим скрипом захлопнулась. Олег так и остался стоять с тысячей вопросов в голове, так и не успевший их произнести. Он присел на стул и растерянным взглядом обвел квартиру.

Отныне я глава фирмы, в которой всего один работник. Это я сам.

Он присел на стул и рассеянным взглядом обвел квартиру. Олег до сих пор не мог объяснить себе поступок его друга Кости. Хотя если откровенно, то друзьями их можно было назвать с большой натяжкой. Партнеры по бизнесу, да. Но друзьями – вряд ли. Их отношения были чисто деловыми. Олег стал припоминать, что он знает о Лиговском, но ничего не приходило в голову. Костя всегда был замкнут и неразговорчив. О себе он вообще ничего не рассказывал, в отличие от Олега, который не делал тайны из своей личной жизни. Похоже, что самым близким другом у Кости, которому он полностью доверял, был компьютер. Что ж, бизнес есть бизнес. Подвернулось более выгодное дельце и прощай. Конечно, его последний поступок с игрой на бирже общими деньгами выглядел, мягко говоря, некрасивым. И дело даже не в деньгах. Просто Костя действовал втихую, за спиной, а это не по-товарищески. Олег был твердо убежден, что серьезным бизнесом можно заниматься только, когда полностью доверяешь своему партнеру. А то, как повел себя Лиговский, иначе как предательством не назовешь.

Олег обвел взглядом пустую квартиру. Придется переезжать. Двушку ему одному не потянуть. Слишком накладно. Хорошо еще, за два месяца вперед оплачена. Да и первое время придется работать за двоих. Ночью сидеть за компьютером, а днем совершать деловые встречи. Конечно, без помощника ему не обойтись, но на это потребуется время.

Он вернулся в свою комнату и присел на диван. Нужно было собраться с мыслями и попытаться хотя бы как-то спланировать свою дальнейшую жизнь, но в голову ничего путного не приходило. Его мысли все время возвращались к разговору с Костей. Взгляд невольно упал на лежащее на столе полотно. Олег горько усмехнулся. Почему-то новая покупка его больше не радовала. Не с кем было ее даже обсудить. Покупая картину, он толком ее и не разглядел. Просто из трех предложенных ему картин, эта приглянулась больше. Он включил свет и подошел к столу поближе. Картина называлась «Скорбные проводы» и действительно ее сюжет вполне соответствовал этому названию. Не известно, какие обстоятельства и психологические мотивы подвигли художника на такой сюжет, но на картине были изображены похороны. В центре плана художник поместил крестьянскую повозку с пегой лошадкой во главе. Рядом двое бородатых мужиков с хмурыми лицами в длинных до пят овчинных тулупах. Лица крестьян были довольно хорошо выписаны и в них отчетливо читалась сосредоточенность и житейская мудрость, перемешанная с душевными переживаниями. Было видно, что движения их неторопливы, словно преисполнены важностью момента. Чуть правее, в нескольких шагах, стоял пожилой мужчина. Серое шерстяное пальто, хорошего покроя и строгий картуз, говорили о том, что человек этот по виду представитель среднего сословия – мещанин, либо одетый в штацкое офицер. Видимо это он провожал в последний путь близкого себе человека. Скуластое, гладковыбритое лицо сосредоточено, взгляд скован, в глазах сквозит глубокое напряжение. Руки слегка приподняты, готовые в любую минуту придти крестьянам на помощь. Небольшой по размерам закрытый гроб, указывал на то, что умерший был маленького роста. Возможно, это был кто-то из детей этого человека. Интересным в этой картине еще было то, что эти трое, не считая лошадки, и составляли всю траурную процессию. Все происходящее

и без того наводящее на невеселые мысли, было написано на фоне надвигающейся грозы. Черные тучи, словно предвестники какого-то неотвратимо надвигающегося несчастья, уже зависли над головами. И лишь случайно, словно вырвавшийся из плена солнечный лучик еще играл золотом на куполах стоящей в отдалении церквушки. В правом нижнем углу стояла дата и подпись. Олег почесал затылок. Картина была не из тех, которые вешают в спальнях над кроватью, чтобы радовать глаз. Скорее это экземпляр для того, чтобы пополнить коллекцию в чьей ни будь частной картинной галереи, либо занять достойное место в каком ни будь художественном музее. Но над этим вопросом Олег не стал ломать голову. Его задача, это найти солидного покупателя. Он снова аккуратно упаковал картину и прошел в уже бывшую комнату Лиговского. Ему предстояло долгое общение с компьютером.

Прошла почти неделя, прежде чем Олегу удалось договориться о встрече с «„нужным“» человеком. Это был пожилой, седовласый мужчина, с открытым добродушным лицом, умными, улыбающимися глазами. Звали его Данилов Петр Анатольевич. Работал он экспертом в области изобразительного искусства и был очень известным и уважаемым человеком в городе. Конечно, он был не единственным, кто разбирался в подлинниках, но все же его часто приглашали в состав экспертных комиссий многие известные музеи России, для проведения экспертизы того или иного произведения. Они договорились встретиться возле здания, где располагалась лаборатория, в которой работал Данилов.

Ну, что у вас там, молодой человек, – Петр Анатольевич улыбаясь, взял под руку Олега, слегка кивнув вдруг откуда-то взявшимся двум парням в камуфляже. Повинуясь, те снова растворились в тени.

– Охрана, словно это стратегический военный объект, – подумал Олег, разглядывая установленные по периметру здания видеокамеры.

Они вошли в небольшое, хорошо освещенное помещение, с расположенным посередине огромным столом. Это была приемная Данилова, дальше нее он своих клиентов не пускал.

– Показывайте, что там у вас, – эксперт добродушно улыбался.

Олег извлек из футляра для чертежей картину и разложил ее на столе.

– Любопытно. Довольно таки малоизвестный художник. По крайней мере, в нашей стране.

– Да. Он жил во Франции.

– Гм. Интересная работа. И выполнена достаточно профессионально. Хотя сюжет довольно странный, вы не находите? – обратился он к Олегу. Тот в ответ пожал плечами.

– Хотя вы правы. Не нам судить об истинных замыслах художника.

Данилов подтянул лампу на гибком штативе поближе к полотну и немного нахмурил брови, произнес:

– Ну что ж. С большой долей вероятности могу сказать, что это не подделка. Хотя работа неизвестная, но этот художник не того уровня, чтобы подделывать его работы. Впрочем, я говорю о настоящем времени. Возможно, когда-нибудь его работы будут стоить миллионы, и украшать знаменитые музеи мира.

– Тоже самое мне говорила и старушка, продавшая картину. Только она утверждала, стоят миллионы картина уже сейчас.

– Да? – Данилов удивленно вскинул брови, – но это и не удивительно. Каждый владелец хотя бы небольшой коллекции картин уверен, что именно его картины стоят целого состояния. Ну, а эта ваша старушка....

– Она представилась, как дочь самого Оганова – Маргарита Дмитриевна.

– Ну, теперь понятно. Она, конечно же, считает своего отца гениальнейшим из художников. И поверьте, никто ее не убедит в обратном.

– Ну что ж, молодой человек, – Петр Анатольевич повернулся лицом к Олегу, – заключение можете забрать послезавтра. Тариф вы мой знаете. Всего доброго.

Маргарита Дмитриевна Оганова тяжело опустилась на мягкое кресло. Вот и все. Она продала последнюю картину своего отца. Даже письма его, которые ее мать хранила всю свою жизнь, она отдала какому-то журналисту за бесценок. За исключением одного. Самого дорогого. Но... Все кончено. Жизнь прожита и впереди ее больше ничего не ждет. Лишь пустота. И одиночество. Всю жизнь они с матерью жили надеждой, что, в конце концов, их семья воссоединится, и они будут вместе жить дружно и счастливо. Она и ее родители. Но нет. Этому быть не суждено. Судьба повернула иначе. И уже нет ни отца, ни матери. И она возможно уже скоро присоединится к ним на небесах. Она единственная хранительница их семейной тайны. Правда есть еще внук. Но... Так сложилось, что из-за смерти дочери, при родах, она видит в нем причину этого несчастья. И не может ему этого простить. Хотя возможно это и не справедливо. Но его ждет сюрприз. Она оставит завещание. После ее смерти, он прочтет это письмо и узнает правду. И возможно станет счастлив, потому, как...

В этот момент ее размышления прервал дверной звонок.

– Кто там?

– ГОРГАЗ. Откройте, пожалуйста. Плановая проверка на утечку газа.

Пожилая женщина тяжело вздохнула и поплелась открывать дверь.

Глава 3

Старший следователь Сергей Павлович Ордынцев, сидел в своем кабинете, подперев голову руками. И эту голову (и как он критично отмечал – не самую глупую) посещали отнюдь не радостные мысли. И виной всему стало как ни странно его собственный день рождения. Казалось бы, должен радоваться, как никак твой праздник. Но нет. Кроме огорчения и горьких мыслей этот день ничего не принес. Он и раньше-то относился скептически к подобным мероприятиям и почти никогда их не отмечал. Но сейчас был повод над этим задуматься. Как никак юбилей, пятьдесят лет. С утра, как полагается, начальник поздравил. Часы подарил от имени и по поручению... В общем, от коллег по работе. Хорошие часы такие, настоящие «командирские». Ордынцев давно мечтал купить себе такие, но как-то все было не досуг. Все откладывал на потом, а тут на тебе, подарили. Приятно. После работы, как принято, посидели с товарищами по службе в кабинете. Приглашал всех к себе домой, но куда там. У всех дела. Жены, дети, внуки, подруги... Да и посидели то всего минут сорок. Пока бутылка водки не закончилась. Сергей, конечно, достал из тумбочки другую, (все таки готовился, закуски накупил два внушительных пакета) но все как-то дружно засобирались и, пожелав напоследок ему всех благ, быстренько удалились. И Ордынцеву ничего не оставалось, как забрать спиртное и продукты, и отправиться домой.

Пустая квартира встретила его гнетущей тишиной. Не раздеваясь, он прошел прямо в кухню и, усевшись на скрипучий табурет, наполнил до краев одинокий стакан.

– За твое здоровье, Серега, – с горькой ухмылкой произнес он тост сам себе, – Поздравляю. Вот тебе уже и полтинник.

Поставив опорожненный стакан на стол, он вдруг задумался. Ему уже пятьдесят! А ведь это уже полвека. И это означает, вершину жизненного пути он уже перемахнул. Теперь дорожка вниз, под уклон. И как бы он не упирался – на закат. Жизни на закат. И время будет все быстрее и быстрее ускорять свой бег... Ордынцев горько усмехнулся. Кажется, в таких случаях говорят – пора подводить итоги. Чего он достиг в жизни, чего добился. А итоги, как ни крути, не утешительные. Однокомнатная квартира тринадцать метров, не выдавшая ремонта от времен царя Гороха. Звание – майор. Ну и что. В его годы ровесники давно уже в полковниках ходят, а кто и в генералах. Зарплата? Лучше о ней и не вспоминать. Едва хватает на продукты и «коммуналку». Что еще? Ах да. Ни семьи, ни детей. Раньше об этом как-то не думал. Вернее откладывал на «потом». А вот теперь даже горько стало. Пришел бы сейчас домой, а тут тебе и стол накрыт, и жена веселая с ребятишками встречает. Но нет ничего этого. Пусто. Хотя могло быть. Могло. Ведь были у него женщины в жизни, были. Да только не сложилось. Поживут, поживут у него некоторое время, а потом исчезают, не выдержав такой жизни. А кто ж выдержит? Он то сутками на дежурстве, то на всяких оперативных мероприятиях. Домой приходил, только чтоб отоспаться. А утром снова на службу. Характер тоже видать – не подарок. Кому такой нужен? Да и сам в то время, по правде говоря, не особо-то переживал, когда уходила от него очередная подруга.

«Ничего, – думал он, – свято место пусто не бывает. Одна ушла, на ее место всегда придет другая.»

И действительно приходили. До поры, до времени, конечно. Потом перестали. Конечно, он понимал, что уже не мальчик. Но главная причина, была даже не в возрасте. Дело было в другом. За последние десять лет, жизнь изменилась настолько, что Ордынцев иногда диву давался. Если раньше женщина хотела просто выйти замуж, за кого угодно, лишь бы не остаться в старых девах, и лишь бы быть как все. А если попадался еще и не пьющий, то это было просто счастье. То теперь, слабый пол предпочитал мужчин только состоятельных, с деньгами и всеми сопутствующими им атрибутами богатства. И что самое парадоксальное, что возраст,

род занятий и вредные привычки женскую половину мало интересовали. Будь ты хоть убийца – рецидивист, ассенизатор или представитель секс меньшинств. Предпочтение отдавалось лишь толщине кошелька. Да и взгляды у женщин стали какими-то другими. На мужчин смотрели так, словно разглядывали на рынке товар. Ордынцев не раз замечал, что стоит ему одеться в свой парадный костюм, (купленный по случаю распродажи в фирменном магазине), женщины сразу же обращали на него внимание. Многие даже многозначительно улыбались. Но если он был в своей обычной униформе – потертом выцветшем пиджаке, и таких же, потертых форму брюках, в которых он каждый день отправлялся на работу, его сразу же переставали замечать. Редкая женщина, да и то лишь вскользь, окидывала его взглядом, и тут же отворачивались, словно взглянув на залежалый товар.

А ведь ему так хотелось любви. Чистых искренних отношений. Чтобы кто-то ждал его после работы и встречал доброй, ласковой улыбкой. Теперь уже, наверное, поздно об этом думать. Какая женщина пойдет в его тесную убогую хрущевку. А уж о том, чтобы жить на его зарплату – не могло быть и речи. Если конечно не произойдет чуда, и его не повысят в должности. Но это маловероятно. Он не ходил в любимчиках у руководства. Да и высокой раскрываемостью похвастаться было нельзя. Хотя можно было бы, пойти против совести и навешать на какого-нибудь наркомана или уголовника пару тройку уголовных дел, так называемых глухарей. Как впрочем, поступали многие, но Ордынцев не мог переступить через себя, через свои принципы. Поэтому и собирались на полках целые кипы незавершенных дел, нераскрытых преступлений, пока не попадали в архив. Поэтому, наверное, и сидел до сих пор в майорах. Конечно, и у него были успехи. Раскрытые грабежи, кражи, разбои. И за каждым делом стоял долгий кропотливый труд. Но таких эффектных дел, как показывают в излюбленных телесериалах, у него не было. Да собственно они и бывают только на экране. За редким исключением конечно. Чтобы исправить положение, в котором он находился сейчас, и которое его угнетало с каждым днем все больше и больше, у него было два варианта: либо начать брать взятки, либо раскрыть ну уж очень громкое преступление. О котором бы трубили все СМИ. Первое Ордынцев отмел сразу. И не потому, что он придерживался высоких моральных устоев, а потому, что начинать это делать было уже поздно. Не за горами была пенсия, и портить под конец службы репутацию, себе дороже. Да и становиться в один ряд с оборотнями в погонах, ему не хотелось. В душе оставалась все-таки маленькая гордость за то, что он был неподкупен.

Со вторым вариантом было еще сложнее. Где взять это самое громкое преступление, а во-вторых, если даже оно вдруг и возникнет, как его раскрыть. Это только в фильмах все просто и, в конце концов, всех преступников ждет справедливое наказание. На деле же совсем по-другому. И не факт, что тебе дадут раскрутить это дело хотя бы до середины. И тебе повезет, если у преступников не окажется вдруг где-то наверху пара, тройка влиятельных покровителей. И тебя в лучшем случае отстранят от дела. А в худшем – просто вытурят из органов. Или вообще кирпич вдруг свалится на голову. Совершенно случайно. Такие случаи были не редкостью. И шепотом из уст в уста передавались сотрудниками в курилках. И все-таки Ордынцев решил действовать в этом направлении. Нужно было идти на риск, чтобы осуществить задуманное. И, кажется, такой случай ему представился. Перед ним на столе лежало заявление некоего Петракова Валерия Сергеевича, о пропаже своего работодателя – Марка Давидовича Янгеля, у которого тот работал телохранителем. Якобы этот Янгель, такого-то числа, лично, не объясняя причины, отпустил своего охранника до вечера. Точнее до 20—00 часов. Но, вернувшись в дом, в указанное время, охранник хозяина не обнаружил. Не появился он и на следующий день. Мобильный телефон его не отвечает. И вот прошло уже несколько дней, но никаких вестей от своего работодателя Петракову не поступало. Что и привело Петракова в полицию.

«Обычное заявление, – размышлял Ордынцев, – обычный на первый взгляд случай, но что-то в нем его заинтересовало. Если человек держит охрану, значит, чего-то или кого-то

он опасается. И если этот человек вдруг исчезает, то здесь тоже не все гладко. Может это и есть тот самый случай, когда из рядового происшествия всплывает громкое преступление!»

На следующее утро следователь назначил встречу с Петраковым.

– Давно вы работаете телохранителем? – был его первый вопрос.

– У Янгеля полгода. А в охранной фирме, через месяц будет три.

– Как могло получиться, что вы оставили своего клиента одного? Вы ведь как его телохранитель не должны его покидать?

– Что касается обеспечения безопасности клиента, вся ответственность за это целиком лежит на мне. Но по долгу службы, я обязан выполнять приказы своего работодателя. В данном случае он отдал такое указание. Быть свободным до 20—00.

– Кто-нибудь может это подтвердить? – Ордынцев закурил сигарету и сквозь пелену дыма внимательно наблюдал за поведением охранника. За многолетнюю практику общения с разными людьми, он стал достаточно хорошим психологом, чтобы по поведению человека, его мимике и жестам определить, скрывает ли что-то человек или говорит правду. Но парень ничем себя не выдавал. Он сидел прямо, положив руки на колени. Отвечал кратко, по-армейски. Взгляд не отводил и никаких признаков волнения не выдавал. В общем, как и полагается опытному бойцу службы безопасности. И не смотря на свой устрашающий вид, по всей видимости, был совсем не глуп.

– Подтвердить? Да, конечно. Если возникали подобные указания, я обязан был сообщить об этом руководству фирмы. Что я и сделал.

«Еще не факт, что Янгель мог отдать ему такое указание, – подумал про себя следователь, – можно ведь и хлопнуть своего клиента, вывезти все его добро, ну а уж потом и отзвониться своему начальству. Вот, дескать, отпускают его до вечера. Есть время и ценности вывезти, да и труп спрятать».

Но телохранитель, словно предвидя догадки следователя, продолжал:

– Из фирмы перезвонили Янгелю и получили подтверждение.

– И куда вы отправились? Я имею ввиду, видел ли кто-нибудь вас во время вашей отлучки?

– Разумеется. Я поехал в контору. В тренажерный зал. У нас такое правило – есть свободная минутка, потратить ее с пользой для дела. Нужно постоянно поддерживать себя в форме.

«Так, – Ордынцев зажег новую сигарету, – похоже, парень говорит правду и у него полное алиби. Либо все очень хитро продуманно. Все конечно же нужно будет проверить».

– А чем занимался ваш э... Подопечный?

– Вообще нам не полагается этим интересоваться. Одно я могу сказать, это то, что он не работал.

– Пенсионер?

– Я имею ввиду то, что он почти все время проводил дома. Выезжал редко, да и то в какой-нибудь ресторан. И то лишь на деловую встречу. Или в поликлинику, на процедуры.

– Он что, был болен?

– В его возрасте все болеют. Ему за семьдесят.

– На что он жил? Как я понимаю, он был человек небедный, раз нанял себе охрану.

– Чем он занимался, не знаю. Но могу только догадываться, что он был коллекционером. Его часто навещали какие-то солидные люди. Тоже с охраной. Он закрывался с ними в своем кабинете и подолгу что-то с ними обсуждал. В свои дела, он естественно меня не посвящал.

– А почему в полицию обратились вы, а не кто-нибудь из родственников.

– В России, насколько я знаю, родственников у него нет. Есть сын. Но он живет в штатах.

– Ясно. Нужно будет сообщить ему телеграммой, – следователь сделал пометку у себя в блокноте.

– Ну, а о каких-нибудь хороших знакомых Янгеля вам известно?

– Кое-кого знаю, – пожал плечами охранник.

Ордынцев записал несколько фамилий.

– Скажите, – этот вопрос вертелся у следователя на языке еще с самого начала их разговора, – а откуда вам известно, что Марка Давидовича нет в доме? Может, он заперся и никого не хочет видеть, или болен, а может вообще помер, не дай Бог. Вы были в доме?

– Да. Я осмотрел дом. Он пуст.

– У вас что, есть ключ?

– Разумеется. Когда возвращаемся из поездок, я первым открываю дверь и осматриваю помещение. Затем уже даю добро своему клиенту. Таково правило.

– И он всегда сидит в машине, когда вы осматриваете дом?

– Да. Выходить ему не разрешается.

– Но ведь в это время он находится без охраны, – хитро прищутив глаза, поинтересовался Ордынцев.

– Да. Это так. Но я ведь не могу находиться в двух местах одновременно. В таких случаях полагается иметь как минимум двух телохранителей. А экономить на охране, все равно, что экономить на собственном здоровье, – резонно заметил Петраков.

На минуту следователь задумался.

– Скажите, а у вашего клиента была женщина? Может у него роман на стороне, и он не хочет, чтобы ему мешали. Знаете, мужчины преклонного возраста иногда выкидывают такие коленца, а? Седина в бороду, как говорится, бес в ребро, – Ордынцев негромко хохотнул, – была же причина отпустить вас до вечера. Возможно, он не хотел, чтобы его видел с кем-то даже собственный телохранитель?

– Я не исключаю такой возможности, – пожал плечами Петраков, – хотя на моего хозяина это не похоже. Он всегда был пунктуален. Но если вы найдете его хотя бы у любовницы, я вам буду очень признателен. А то знаете...

Валерий немного замялся.

– А то знаете, если у телохранителя исчезает клиент, даже не по его вине, реабилитироваться потом очень непросто. И на репутации фирмы это также сказывается. Поэтому для меня очень важно, чтобы он нашелся.

– Я понимаю, – Ордынцев на некоторое время замолчал. Конечно, про пассивку на стороне, он спросил на всякий случай. Его тревожило другое. Где-то в глубине сознания какой-то маячок подавал сигнал тревоги. Подобную ситуацию он уже встречал. И не так давно. Месяца три, четыре назад в его районе пропал один антиквар. Так себе старичок – божий одуванчик. Пропал и все. Заявили родственники, если он не ошибается, это была его дочь. Ну, пропал и пропал. Вышел, возможно, старичок из дому и потерял память. Такое часто случается с пожилыми людьми. Сколько их сейчас бродит по свету без памяти. Ну, объявили во всероссийский розыск. До сих пор ищут. Правда, богатенький был Буратинка. Одних картин было на десяток миллионов долларов, не считая всего остального. Но и зацепиться было не за что. Все ценности вроде бы остались на месте. По крайней мере, его дочь этот факт подтвердила. Да и по завещанию все отходило ей. Что ж, нужно запросить сводку подобных происшествий хотя бы за год, полтора. Авось что-то всплывет. Ордынцев поднял трубку и негромко произнес:

– Эксперта – криминалиста и опер группу на выезд.

Глава 4

В этот день у Олега было приподнятое настроение. Ему удалось продать пару бокалов из венецианского стекла из имения графа Шереметьева и китайскую фарфоровую вазу конца 19 – го века. Помог их с Костей общий знакомый Стоцкий Альберт Леонидович. Он занимался тем, что находил богатых покупателей и имел от сделки свои комиссионные. Стоцкий уже не раз выручал их в этом плане. Еще утром он позвонил и поинтересовался, сможет ли Олег принять у себя одну важную особу. Вообще-то приводить к себе домой покупателей, было не в правилах Олега. Обычно в интересах безопасности встречу проводили на нейтральной территории, например у того же Стоцкого, но Альберту Леонидовичу можно было доверять. Если он кого-то и приводил, то это были очень надежные люди. В этот раз он приехал с дамой, лет пятидесяти на такси. Но неподалеку, метрах в тридцати от дома, Олег приметил пару Мерседесов с тонированными стеклами.

«Охрана, – догадался Олег, – ее оставили позади, чтоб не привлекать внимание».

Все-таки Стоцкому было ума не занимать. Женщина уже знала, за чем едет, и сделка состоялась довольно быстро. Дама действительно была очень состоятельной и даже не стала торговаться против названной суммы, как принято в подобных случаях. Что очень порадовало Олега. Обычно у них с Костей было правило немного завышать цену на товар и в результате торга, выходили на нужную сумму. Но в этот раз Олег заработал больше, нежели ожидал.

«Нужно обрадовать Костю, – подумал он, когда гости распрощались, – пусть приезжает за своей долей».

Олег вспомнил их последний разговор и почувствовал, что в душе все же остался неприятный осадок.

«Да и черт с ним, – подумал он про себя, – вот рассчитаюсь с ним полностью, ну а потом найду себе помощника. Не беда».

Олег набрал номер.

– Алло, – на другом конце послышался знакомый голос.

– Это Олег.

– Я слушаю. Только говори побыстрее, у меня мало времени.

В голосе Кости чувствовалось раздражение и Олегу захотелось вдруг послать его ко всем чертям.

– Сможешь подъехать? Дело есть.

– Послушай, Олег. Я очень занят. И если тебе что-то нужно....

– Это больше тебе нужно, – перебил его Олег.

– Мне?

– Да. Мне удалось продать несколько вещей из нашей коллекции. Можешь подъехать за своей долей.

– Да? – голос Лиговского смягчился. Раздражение исчезло, словно и не было, – И сколько же ты выручил?

Олег назвал сумму.

– О! Это даже больше, чем мы рассчитывали. Как это тебе удалось?

– Попался солидный клиент. Так ты едешь? – теперь уже раздражался Олег. Костина меркантильность его просто выводила из себя.

– Да. Конечно. Только...

– Что?

– Понимаешь, у меня тут одна проблема. Ты меня не выручишь?

– Что?

– Дело в том, что мне с минуты на минуту должны привезти мебель. Я не могу отлучиться. Вот, если бы ты сам смог ко мне подъехать.... Заодно и расставить сможешь.

– Ты приобрел мебель? – Олег никак не мог понять, зачем Косте обставлять квартиру, которую он снимает, – тебе что, нечего делать? А если сменишь квартиру, так и будешь таскать за собой все эти табуретки с диванами!

– Не собираюсь я никуда переезжать. Это моя квартира. Я ее купил.

Минут через сорок, Олег подъехал по указанному Костей адресу. Не центр, но все же не окраина. Обычный спальный район. Третий этаж девятиэтажки. Костя открыл дверь и широким жестом пригласил Олега в дом.

– Привет, – Олег протянул руку, – не скрою, ты меня просто удивил. Твои успехи налицо.

– Да вот, решил покончить со своим жалким существованием и брать от жизни все и сразу.

Костя не скрывал пафоса. Они не виделись чуть больше месяца, а Олег уже не узнавал своего бывшего партнера. Внешне тот выглядел также, те же близорукие глаза за толстыми линзами очков, тот же ежик коротко стриженных волос, но вот взгляд и манеры уже были другими. Они приобрели какую-то значимость, важность, в них чувствовалась едва уловимая снисходительность и некое моральное превосходство.

– Ну, как тебе моя «берлога»? – Лиговский улыбался довольный произведенным эффектом.

С виду – обычная квартира, ничего особенного. Одна комната, кухня, санузел. Как говорят – стандарт. Но для многих эти несколько десятков метров из кирпича и бетона так и остаются несбыточной мечтой. Не говоря уже о том, сколько разбитых семей, и сколько разрушенных судеб кануло в борьбе за право обладать этими квадратными метрами. А вот Костя смог осуществить свою мечту, и, причем в кратчайшие сроки.

– Ты что, ограбил банк? – Олег с изумлением осматривал свежий ремонт.

– Шутишь. Я же тебе говорил, что играю на бирже. Не поверишь, так поперло, что дух захватывает! – глаза у Лиговского горели азартным огнем. Но вдруг, словно спохватившись, что сказал лишнее, быстро добавил, – Но ты извини. В партнеры взять не могу. На бирже играют одиночки.

– Да ладно, – махнул рукой Олег, – не парься. Мне и своего хватает. Кстати, держи свои деньги.

– А вот за это спасибо, – Костя стал пересчитывать свою долю, – Деньги хоть и небольшие, но на дороге не валяются.

«Небольшие деньги, – с грустью подумал Олег, – сильно же тебя занесло приятель, если эти деньги для тебя небольшие. Для некоторых за них полгода нужно корячиться. А чтоб купить такую квартиру, ему понадобится года два, три упорного труда. И при том, во всем себе отказывая».

Купить квартиру, для Олега было делом принципа. Это было для него и мечтой и целью одновременно. Вырос он в небольшом рабочем поселке, где жизнь замерла, и стала потихоньку угасать еще в начале девяностых. Отец, потеряв работу, запил. И вскоре через год умер, отравившись каким-то суррогатом. Мать, едва он окончил десятилетку, продав все ценное в доме, собрала его в дорогу.

– Поезжай учиться, сынок. Станешь образованным, выбьешься в люди. А здесь тебе делать нечего. Здесь тупик.

Олег поклялся тогда, что обязательно получит образование и добьется в жизни всего. А главное, купит в городе квартиру и заберет к себе мать.

Следователь Ордынцев сидел в мягком кожаном кресле и пультом дистанционного управления беспорядочно переключал каналы на огромном, в полстены, телевизоре. Собственно ни одна программа его не интересовала. Просто сменяющиеся, словно в цветном калейдоскопе, картинки, как бы подталкивали мысли быстрее формироваться в определенный логически законченный вывод. Внутреннее чутье подсказывало ему, что ничего необычного они здесь не найдут. Он не участвовал в осмотре дома Марка Давидовича Янгеля. Специалисты знают свое дело и сделают это лучше. Ордынцев лишь мельком заглянул в пустующие комнаты дома и то лишь из чистого любопытства. Он не раз бывал в домах состоятельных людей, и каждый раз убеждался, что пределу человеческих желаний нет. Если есть деньги, конечно. Как только появляются деньги, квартира сменяется на дом. Далее следуют бассейн, лужайка для гольфа, парк автомобилей. Собственные самолеты, вертолеты. Яхты огромных размеров. Некоторых уже в космос потянуло. Что дальше? И зачем? Чтоб только самоутвердиться и удовлетворить собственные амбиции? Или утереть нос соседу. Взять тех же коллекционеров. Всю жизнь только и делают, что скупают антиквариат. А спроси их, зачем они это делают, не ответят. Наверное, это болезнь. А возможно он и сам чего-то недопонимает. Скорее всего, это обусловлено природой человека, всю жизнь к чему-то стремиться, хотя заранее знаешь, что конца этого чего-то, не существует. И, наверное, прав наш президент, любящий повторять поговорку о том, что всех женщин любить невозможно, но стремиться к этому надо.

Его размышления прервал мелодичный звонок мобильного телефона. Звонили из архива и сообщили, что в течение двух лет, в разных районах города, пропало трое мужчин. Всем за шестьдесят. Все они известные в определенных кругах состоятельные люди. Коллекционеры. Их розыск положительных результатов не дал и местонахождение их в данный момент неизвестно. Во всех случаях, по заверению родственников, из их коллекций ничего не пропало. А, следовательно, и криминала в их исчезновениях не усматривалось. Все сводилось к тому, что пожилые люди, возможно выйдя из дома, по каким-то причинам теряли память. Со стариками это, к сожалению, часто случается. Ордынцев убрал телефон в карман и провел рукой по подбородку, словно проверяя, насколько пробилась щетина. Но движение было чисто машинальным. С ним это происходило, когда нужно что-то понять или глубоко осмыслить. В том, что пропадают старики, конечно же нет ничего необычного. За свой многолетний опыт, он не раз сталкивался с подобными случаями. Но настораживало другое. Уж больно все случаи были похожи друг на друга. Куда же пропадают богатые коллекционеры, оставляя нетронутыми все нажитые годами ценности. Случай с Янгелем был четвертым по счету за последние два года. По заверению охранника, в доме все осталось на своих местах. Но Петраков не мог знать всего, тем более обо всех ценностях, хранящихся в доме. Возможно, это может знать лишь сын Марка Давидовича. Кстати он уже сообщил, что прилетает на днях из США. Ордынцев взглянул на часы. Пошел второй час, как его группа находилась в доме. Но торопить их, следовательно не хотел. Пусть досконально все проверят. Авось, глядишь, и всплывет какая-нибудь зацепка. Так случалось не раз. Следы, как бы их тщательно не скрывали, все одно остаются. Все зависит от того, как искать. Сзади послышались приглушенные шаги. К нему уже направлялся его помощник, стажер Андрей Лисицын.

– Сергей Павлович, – обратился он к своему старшему товарищу, – вроде все осмотрели. Следов взлома нигде не обнаружено. На ограбление тоже не похоже. Все вещи в полном порядке. Сейчас эксперт закончит работу и можно ехать.

- Вот это и плохо, – угрюмо заметил Ордынцев.
- Что плохо, – не понял Лисицын, – что можно ехать?
- Плохо, что все в полном порядке.
- А, – растерянно протянул стажер.

– Ну, и что ты обо всем этом думаешь? – следователь, словно невзначай задал вопрос, продолжая нажимать на кнопки пульта. Хотя он уже знал наверняка, что ответит его помощник.

– Мне кажется, что мы здесь умываем руки, – развел руками Андрей, – Конечно, антиквар пропал, но и трупа-то нет. В доме вроде бы ничего не тронато. Разумеется, последнее слово за экспертами, но, по-моему, и они ничего нового не скажут. Если бы еще знать – что искать. В доме, как утверждает охранник, бывали люди. Естественно они оставляли следы. И если даже допустить, что мы разыщем всех этих людей, предъявить им нечего. Да и с чего весь сыр-бор, Сергей Павлович? Ну, пропал себе человек и пропал. Сами знаете, что таких случаев по несколько раз на день случается. А дело заводить, себе лишний геморрой на голову. У нас и так этих дел, воз и маленькая тележка.

– Геморрой на голову, говоришь? – следователь хмуро посмотрел на помощника, – новинка в медицине. Нужно запомнить.

Андрей смутился. Его шеф почти никогда не улыбался, даже если шутил. И этим приводил в замешательство своих подчиненных.

«Конечно, для сотрудников его отдела, случай с Янгелем, это действительно лишняя головная боль. Хотя тот же Лисицын наверняка понимает, что здесь не все гладко. Конечно, люди пропадают. Но когда начинают пропадать богатые коллекционеры... Здесь следует задуматься. Но ребят можно понять. Просто они не хотят себе лишних хлопот. А их и без этого антиквара хватает. Действительно, уголовных дел накопилось воз и маленькая тележка.

– Хорошо. Заканчивайте осмотр. Едем в отдел.

Ордынцев выпрямился и одернул пиджак. Решение было принято. Уголовное дело он заводить не будет. Нет оснований. Но расследование он все же проведет. И будет вести его сам, никого не привлекая. Так сказать, по собственной инициативе.

Олег вот уже несколько дней не мог выспаться. Сказывалось отсутствие помощника и ночные бдения за компьютером, давали о себе знать. Дневное же время было заполнено встречами и разного рода переговорами.

– Все-таки, помощник в таком деле необходим, – в который раз он напомнил сам себе и в который раз сам себе задал вопрос – как это сделать. Не станешь же ты кричать на всех углах, что тебе необходим помощник. Теперь он понимал Костю Лиговского. Видимо тот долго присматривался, прежде чем сделать ему предложение о партнерстве.

Олег взглянул на часы. Еще только полдень, а так хочется спать! Он все же решил дать себе часок расслабиться. Но только он прилег на диван, зазвонил телефон.

– Стоцкий беспокоит, – голос у Альберта Леонидовича был бархатистый, словно мурлыканье кота.

– Да, я слушаю, – Олег нервно сжал трубку. Он знал, что по пустякам тот звонить не станет.

– Ну и задачку ты мне задал, Олег. Я по поводу твоей картины, вернее картины Оганова.

– А что такое?

– Малоизвестный художник. На любителя. Понимаешь? Нынешний бомонд предпочитает известные фамилии. Им Шагала подавай, Врубеля. Или Малевича. А кто такой этот Дмитрий Оганов? Да, возможно, он как художник, неплох. И это подтверждают искусствоведы. Но сам знаешь, люди гоняются не за мастерством, а за именем.

– Альберт Леонидович, вы же прекрасно знаете, что имя человека прославляет ни что иное, как реклама, то бишь пиар. В какой бы форме это ни было. Будь то высказывания критиков, либо отзывы известных людей. Сделать человека известным, это значит искусно его прорекламирровать. Ведь все эти черные квадраты, ромбы и круги, нарисует любой мальчишка

на заборе, не хуже Малевича, но, к сожалению, никто эти рисунки покупать не станет. Потому что под ними нет подписи «Малевич».

– Все это так. Но реклама, как вы говорите, удовольствие недешевое. И ради одной, двух картин, никто этого Оганова раскручивать не станет.

– Я это понимаю, – со вздохом произнес Олег, – одна надежда, как вы говорите, на любителей.

– И на меня, – добавил Стоцкий.

– И на вас, Альберт Леонидович.

– Ну, так вот. Кажется, я смогу вам помочь.

– Я весь во внимании.

– Есть один человек. Вернее это дама. Она вдова. Покойный муж оставил ей большую коллекцию картин и не только. В общем, она богатая наследница. Но в вопросах искусства, как бы это сказать, полный дилетант.

– Она что, распродает шедевры?

– Ну, нет. Ничего она не распродает. Наоборот. Очень дорожит всем тем, что оставил муж. Но вот скупает все подряд, что ей приглянется.

– Все подряд? – переспросил Олег.

– Ну не совсем. Только те, что производят на нее впечатление. И платит, за это весьма неплохие деньги. Так что я, помогая вам, иду на должностное преступление. Если можно так выразиться.

– Ну и?

– Я показал ей фото «„Скорбных проводов“», что вы мне дали, и картина ей понравилась.

– О! Вы просто гений.

– Погоди радоваться. Она готова купить эту картину. Но с условием, что вы найдете еще хотя бы одну работу этого автора. А лучше, если две, три. В общем, она хочет, чтобы эта картина не выглядела одиноко среди остального собрания. Вы сможете это сделать?

– О, Альберт Леонидович. Если бы вы сказали мне об этом раньше, я бы предоставил бы ей не одну, а сразу три работы.

– Ну, знаете ли! Если бы бабушка была дедушкой....

– Хорошо. Я попробую. Если их еще не продали.

Через минуту, он уже набирал номер телефона.

Олег нервно вслушивался в длинные монотонные гудки, мысленно умоляя старушку подойти к телефону.

«Не слышит, – с досадой подумал Олег, бросая трубку, – спит, наверное, или вышла куда-нибудь. Но может это и к лучшему. Поеду прямо к ней домой и выкуплю все оставшиеся у нее картины».

Олег быстро оделся и выскочил на улицу.

– А вам кого?

Олег обернулся на голос и убрал онемевший палец с кнопки звонка. Из полуоткрытой соседней двери выглядывала женщина средних лет.

– Мне нужно увидеть Маргариту Дмитриевну Оганову.

– А вы кто ей будете? – снова поинтересовалась соседка.

– Я к ней по делу.

– А. Так вы, наверное, еще не знаете. Померла Маргарита Дмитриевна. Неделю назад как схоронили.

– Вот тебе раз, – растерянно произнес Олег, – А на вид была еще крепкой бабушка.

– Была-то, была. Да умерла от отравления газом. Вот так. Хорошо, что еще дом на воздух не подняла. Царствие ей небесное, – женщина поспешно перекрестилась, – Вообще я так думаю, за одинокими стариками уход нужен и присмотр. А у нас что? Старые люди никому не нужны.

– А что же родственники. Или их нет? – поинтересовался Олег.

– Ну почему же. Внук есть. Да и зять тоже. А дочка уже давно померла. Внук Маргариту-то и схоронил. Дай Бог ему здоровья.

– Ну, а что ж внук-то недоглядел?

– А, – махнула рукой женщина, – старушка эта, Маргарита Дмитриевна, еще та штучка была. С характером. Не признавала она ни зятя своего, ни внука. Дочь-то против воли ее замуж вышла. Ну, та и прокляла ее. Наотрез отказалась общаться. Ну, дочь, правда, недолго прожила после замужества. Может проклятие, подействовало, кто знает.

– А вы не знаете случайно, где живут ее внук зять? – поинтересовался Олег. Он все же не терял надежду, что еще не все работы Оганова разошлись по рукам.

– Живут где, не знаю. А вот внук работает автослесарем в мастерской. Это в двух кварталах отсюда. Толиком его зовут.

– Не подскажете, где мне найти Оганова Анатолия, – поинтересовался Олег у первого попавшегося рабочего, вышедшего покурить из душевного бокса.

– Оганова? – пожал плечами тот, – Толик один есть. Но он не Оганов, а Ильин.

– Ах да! – понял свою оплошность Олег, – это он по матери Оганов. А Ильин по отцу. Так, где мне его найти?

– Он в яме. С подвеской возится, – с удовольствием выдыхая дым, ответил рабочий, – крикните, он услышит.

В боксе царил полумрак. На стенной побелке повсюду были видны отпечатки засаленных рук. Лампы дневного света, перемаргиваясь и треща, едва отбрасывали тусклый свет на закопченный от выхлопных газов потолок. Между полок с инструментами, были расклеены плакаты полуобнаженных девиц. Из-под днища, стоявшего в глубине автомобиля, пробивался яркий луч света. Олег громко позвал по имени, как советовал ему рабочий. В ответ услышал звон металла и чью-то приглушенную ругань.

– Кого еще черт принес.

– Мне нужно поговорить с Анатолием, – снова прокричал Олег. Из ямы под автомобилем показалось чье-то перепачканное мазутом лицо. Это был молодой парень лет двадцати с небольшим.

– Вы ко мне?

– Если у вашей матери девичья фамилия Оганова, то я к вам.

– Ну, предположим. И что?

– Есть разговор. Отойдем.

Парень выбрался из ямы, на ходу вытирая ветошью руки.

– Вы извините, – парень развел руками, – присесть негде. Везде грязь.

– Ничего, я постою.

– Я вас слушаю.

– Меня зовут Олег. Я занимаюсь тем, что скупаю разного рода произведения искусств, антиквариат и тому подобное. Недавно, около месяца назад, я приобрел у вашей бабушки картину.

– И что? Вы хотите вернуть ее назад? Она вам не понравилась или вы сомневаетесь в ее подлинности? Могу вас заверить картина подлинная.

– Нет. Не в этом дело. Меня все устраивает. Я хотел бы приобрести оставшиеся две картины. Но соседка сказала, что Маргарита Дмитриевна трагически скончалась.

– Да. Бабушка оставила на плите молоко, а сама уснула. Хотя по ней нельзя было сказать, что у нее были проблемы с памятью. Она помнила любую мелочь.

– Скажите, Анатолий, может у вас есть что-нибудь из работ вашего прадедушки?

– Нет. Ничего нет. Бабушка, царствие ей небесное, ничего нам не оставила.

– У вас были сложные отношения?

– Не то слово. После того, как моя мама вышла замуж, бабушка прекратила с ней всякие отношения.

– Но почему?

– Понимаете, Маргарита Дмитриевна по матери принадлежала к какому-то старинному знатному роду. Ну, а моя мать, то есть ее дочь, вышла замуж за простого рабочего, каким был мой отец. Правда, позже он получил образование и стал первоклассным специалистом. Сейчас он руководит строительством мостов на сибирских реках.

– А кроме вас, у вашей бабушки есть еще наследники?

– Нет. Только мы с отцом.

– Значит, все ее имущество по закону перейдет к вам?

– Выходит так. Я понимаю, куда вы клоните. Но я точно знаю, что бабушка продала все картины.

– Все? – огорченно переспросил Олег.

– Все. Даже прадедушкины письма, и те продала. Правда однажды позвонила и как-то странно стала уговаривать меня забрать эти письма. Говорила, что в них есть что-то важное. Но зачем они мне. Это чужая история. Чужая жизнь. Хотя они и были моими родственниками. Она обиделась и пригрозила продать письма какому-то журналу.

– А как вы узнали, что письма и картины проданы?

– Незадолго до смерти, она сообщила нам об этом по телефону. Я думаю это была такая своеобразная месть кота Леопольда.

– Странно. И за что такая нелюбовь.

– Это старая история. Мать Маргариты Дмитриевны, Елизавета, то есть моя прабабка, утверждала, что картины, хранившиеся в их доме, стоят целого состояния. И ни в коем случае их нельзя продавать. Мой прадед, Дмитрий Оганов, велел хранить их до своего возвращения из эмиграции. Вот и перешла от прабабки Елизаветы, к Маргарите Дмитриевне эта бредовая мысль о бесценных шедеврах, хранившихся в их доме. Только мне кажется, что мой предок слишком преувеличил свой талант. А его жена и дочь, просто свихнулись на этих картинах.

– Но, возможно, ваш прадед смотрел в будущее и предвидел, что его работы будут стоить больших денег.

– Да, но почему в своих письмах он утверждал, что скоро они станут владельцами огромного состояния, которое воплощено в его работах.

– Но возможно, что...

– Нет, – словно предвидя вопрос, заговорил Анатолий, – отец говорил, что картины уже показывали специалистам. Не смотря на хорошее исполнение работ, большой художественной ценности они не представляют. По крайней мере на сегодняшний день.

– И все-таки непонятно, – пожал плечами Олег, – почему тогда сам Дмитрий Оганов не приехал на родину. И распоряжался бы тогда своими произведениями, – Олег вдруг почувствовал, что невольно поддался рассказу Анатолия. Эта непростая история с картинами так затянула его, что ему вдруг захотелось узнать больше о судьбе этого художника.

– Тут другая история, – оживился Анатолий, – мой прадед бежал из России вместе с отступающей армией Деникина.

– Он был военным?

– Нет. Просто тогда очень боялись большевиков. Особенно интеллигенция. Так он и оказался во Франции. Прадед все время хотел вернуться в Россию. Об этом он писал почти в каж-

дом письме. Но боялся. В конце двадцатых, вплоть до войны с немцами, шли репрессии. Под корень уничтожалась интеллигенция старой формации. Мою прабабку заставили отречься от мужа публично под страхом смерти. И она это сделала.

– Вот как? – рассказ увлекал Олега все больше и больше.

– Да. Она ведь была из дворянской семьи, а в то время это было очень серьезной проблемой.

– Понимаю. Но как же тогда появилась дочь, Маргарита Дмитриевна, если Дмитрий Оганов был в эмиграции?

– Помните из истории, в начале двадцатых, объявили НЭП? Так вот в то время многие поверили в перемены к лучшему и вернулись на родину. В том числе вернулся и мой прадед. Кстати тогда же он и привез с собой эти картины. Только пробыл он в России не долго. Всего года два, три. А как только снова начались гонения, он тут же уехал во Францию. Он хотел забрать с собой и жену с дочкой, но их не выпустили из страны. Именно тогда и заставили мою прабабку отречься.

– И как он к этому отнесся?

– С пониманием. Уже тогда стало понятно, что СССР это большой тюремный лагерь.

– Но если я не ошибаюсь, он умер в конце восьмидесятых. Уже в то время он мог хотя бы приехать навестить своих родственников.

– Да, и это еще одна драматическая история моей семьи. Это было, если не ошибаюсь, в году так шестьдесят пятом. Известная вам Маргарита Дмитриевна в то время преподавала в университете политэкономия и чтобы полностью искоренить прошлое, ну и, разумеется, чтобы сделать карьеру, отреклась от живущего за границей отца. В то время все, проживающие за бугром, автоматически причислялись к стану врага. Тем более, что Дмитрий Оганов никогда не скрывал своего негативного отношения к советскому строю. Об этом печатали французские газеты. А за ее поступок, Маргариту Дмитриевну конечно похвалили. Даже перевозносили ее, словно она совершила подвиг. В общем, Павлик Морозов, только в юбке. Поэтому прадед и не приехал.

– Вот тебе раз. Выходит, от него отреклись дважды. Вначале жена, затем и дочь. Тогда непонятно неприятие твоего отца, как выходца из народа. Почему вдруг вспомнила о своей родословной. Голубая кровь разыграла?

– Не знаю. Но мне кажется, она поняла, что совершила чудовищную ошибку в своей жизни. И отрекаясь от нас, она словно обрекала себя на одиночество. А одиночество это очень серьезное испытание. Но ни у меня, ни у отца на нее обиды не было. Просто было по-человечески ее жаль. Она была несчастным человеком.

– Может быть, может быть, – задумчиво произнес Олег. Эта история не оставила его равнодушным, – И что, он больше не давал о себе знать?

– Было одно письмо. Незадолго до смерти. Прадед писал о превратностях судьбы, о жизненных круговоротах, в которые попадают люди. О том, что все могло бы быть иначе, если бы не гражданская война и тому подобное. В конце же была приписка, что они (то есть его родственники), обретут богатство, если правильно распорядятся его картинами. В общем, полный бред. Картины проданы. Богатство – сами видите, – Анатолий грустно усмехнулся.

– Да, наверное, – Олег хотел попрощаться.

– Кстати, пару дней назад приходил один молодой человек. Также интересовался картинами Оганова. Оставил свой телефон. На всякий случай. Если хотите, я вам его отдам.

– Но зачем? Я ведь хочу купить, а не продать картину.

– У него, как и у вас, одна картина. Он ищет пару. Возможно, вы договоритесь.

Олег взял бумажку и, поблагодарив, направился к выходу.

Глава 5

– Кто там, – раздался за дверью чей-то женский голос.

– Моя фамилия Ордынцев Сергей Павлович. Следователь. Я звонил вам полчаса назад. Ордынцев развернул служебное удостоверение.

– Да. Проходите, – полноватая женщина средних лет, с заколотыми в тугой узел темными волосами, одетая в яркий атласный халат, указала рукой внутрь квартиры, – Знакомьтесь, мой муж, Джеймс Кларк. Он американец.

– Очень приятно, – Ордынцев пожал протянутую руку.

– Располагайтесь, – женщина провела следователя в гостиную, – присаживайтесь.

Американец предусмотрительно извинился и оставил их вдвоем.

– Вам стало что-нибудь известно об отце? – руки женщины нервно теребили носовой платок.

– Ольга Львовна, если не ошибаюсь? – уточнил Ордынцев.

– Да.

– Должен вас огорчить. Но пока о вашем отце нет никаких известий.

– Зачем же вы тогда пришли? – в словах Ольги Львовны чувствовалось разочарование.

– Органы склоняются, что у вашего отца произошла потеря памяти. И вероятно он где-то обитает, не помня, кто он и откуда.

– Чушь! – глаза женщины метали молнии, – проще всего сослаться на потерю памяти у пожилого человека. Но я никогда не поверю, чтобы отец ни с того ни с сего, вдруг потерял память. И то, что ему 73 года, ни о чем не говорит. Он писал статьи по искусству. Составлял каталоги. Знаете, какая нужна память, чтобы упомянуть названия тысяч работ и почти столько же фамилий художников. У него переводы на восемнадцать языках мира. И вообще....

Ольга Львовна отвернулась, не желая показывать выступившие слезы.

«Не похоже, что она претворяется, – отметил про себя Ордынцев, – наверняка она не имеет отношения к исчезновению отца».

– А этот ваш муж, Джеймс, чем он занимается?

– Он дантист. В который раз приезжает, чтобы уговорить меня уехать в Америку.

– И что вас удерживает?

– Я не уеду, пока не разыщу отца. Живого или мертвого, – слова звучали твердо, не допуская никаких сомнений в своих намерениях.

– Но ведь на это, возможно, уйдут годы, – сочувственно произнес Ордынцев. Ему было искренне жаль женщину, хотя он как следователь не имел права на проявление чувств. Ольга Львовна не ответила.

– Скажите, Сергей Павлович, – после некоторой паузы, обратилась она к следователю, – есть ли вероятность.... Бывают ли случаи, когда люди все же находятся? Мы слышали, что таких людей направляют в институт имени Сербского. Но я навещаю туда каждую неделю.

– В год на территории России пропадает около двухсот тысяч человек. Примерно половина из них находится. Живыми или мертвыми. Так что шанс есть.

– А вы сами верите, что отец найдется?

– Скорее нет, чем да, – немного подумав, ответил Ордынцев.

– Тогда я не понимаю, что заставило вас сюда явиться.

– Скажите, вам известна фамилия Янгель?

Женщина задумалась.

– Вроде бы что-то было на слуху.

– Случайно не в криминальной хронике? – Ордынцев задал этот вопрос не случайно. Если женщина знает эту фамилию из сообщения по телевидению, это одно. Ну, а если Янгель бывал в их доме, это другое.

– Не думаю. Я не интересуюсь подобными программами.

– Может, он был знакомым вашего отца?

– Да. Что-то припоминаю. Как его зовут?

– Марк Давидович.

– Теперь вспомнила. Это один из приятелей отца. А почему вы спросили о криминальной хронике? С ним что-то случилось?

– Да. Он пропал. Неделию назад, при невыясненных обстоятельствах. Как и ваш отец.

– И вы, конечно, полагаете, что они где-то попивают пиво в укромном местечке, или у него, как и у папы отключилась память? В России что, началась эпидемия амнезии, – язвительно заметила Ольга Львовна.

– Многие именно так и считают.

– А вы?

– Я другого мнения.

– Ну, слава Богу, – всплеснула руками Ольга Львовна, – хоть у кого-то в МВД мнение, отличное от других.

– Да. И, по-моему, в МВД я единственный, у кого такое мнение.

– И вы начнете расследование?

– Да. Собственно я уже его начал. Только... Неофициально.

– Что?

– И я хотел бы просить вас, Ольга Львовна, чтобы наш с вами разговор, остался между нами.

– Но почему, – искренне удивилась женщина, – разве нельзя провести официальное расследование?

– Формально – нет оснований. А потом, если все же есть этот кто-то, кто помог вашему отцу и Янгелю исчезнуть, то не хотелось бы этого кто-то спугнуть.

– Понимаю, – задумчиво произнесла женщина, – может быть кофе?

– Не откажусь.

– Ну, тогда продолжим нашу беседу в столовой.

– У меня к вам необычная просьба, Ольга Львовна, – обратился Ордынцев к женщине, смакуя мелкими глотками ароматный напиток. Они сидели в столовой в обществе Джеймса, который, ломая русскую речь, пытался рассказать анекдот.

– Да, я слушаю.

– Не могли бы вы мне показать, что есть самое ценное в коллекции вашего отца.

Ольга Львовна посмотрела на Кларка, словно ищи у того поддержки.

– Я понимаю, поднял вверх руки следователь, – просьба необычная. И вы вправе мне отказать.

– Это связано с расследованием?

– В общем – да.

– Но я не знаю. Каждая вещь из коллекции папы по-своему бесценна.

– Давайте на время оставим духовную оценку вещам и будем оценивать их реальную стоимость.

– Ну, хорошо. Только поймите меня правильно, некоторые вещи держаться в секрете и о них знает лишь ограниченный круг лиц. Поэтому...

– Я все понимаю. Можете не волноваться.

– Идемте за мной.

Ордынцев плохо разбирался в искусстве. Для него было все равно, что Ван Дейк, что Ван Гог, Брюлов или Тициан. Ольга Львовна пыталась как-то хотя бы немного просветить следователя, но потом, когда Ордынцев поинтересовался, кто же из них дороже, все же оставила эту затею.

– А вот это и есть самое ценное в коллекции, – Ольга Львовна подвела следователя к небольшой, в золоченой рамке, картине, – это Рембрандт. «Портрет мальчика».

Ордынцев подошел поближе и скептическим взглядом окинул картину. Полотно его разочаровало. Картина была небольшой, величиной с небольшую книгу, и была выполнена в темных тонах. Поэтому лицо мальчика едва проглядывалось на темном фоне. По правде сказать, другие картины произвели на него большее впечатление.

– Ну и... Сколько, по-вашему, она может стоить?

– Если продавать в частные руки, то не менее десяти миллионов. А если через какой-нибудь известный аукцион, то на порядок выше.

Ордынцев присвистнул.

– Скажите, а Янгель, например, мог знать содержимое вашей коллекции?

– Я думаю, да. Обычно коллекционеры не скрывают друг от друга такие вещи. Ведь должен же кто-то видеть эти шедевры, кроме их хозяев.

– Понятно. И все же я вам удивляюсь. Вы держите дома такие сокровища, и у вас нет охраны.

– Папа считал, что охрана лишь привлекает к себе внимание преступников. Да и за самой охраной нужен глаз да глаз. Ну а потом, у нас самые современные замки, и самая совершенная сигнализация.

– Ну, хорошо, – Ордынцев прошел на выход, но вдруг, что-то вспомнив, задержался, – скажите, а вы уверены, что картина этого вашего Рембрандта, подлинник?

– Ну что вы! – Ольга Львовна недоуменно посмотрела на следователя, словно перед ней было неразумное дитя, – мой отец не разменивался на копии.

– А вы уверены в этом? То есть, что это не копия.

– Ну конечно. Есть официальное заключение компетентной экспертной комиссии. А почему вы спрашиваете?

Ордынцев и сам не мог ответить на этот вопрос. Но ему казалось, что чего-то в этих историях он недопонимает. За два года бесследно пропадают четверо коллекционеров и все их коллекции остаются нетронутыми. Здесь нет логики. Или он ее не замечает. Но должен же он найти хоть какую-то зацепку, какое-то несоответствие.

– И когда?

– Что? – не поняла Ольга Львовна.

– Когда проводилась экспертиза?

– А. Ну, точно не помню. Лет пятнадцать назад. Может раньше. Можно посмотреть документы в папином архиве, и я скажу вам точно.

– Нет. Не нужно, – Ордынцев хмурил брови, что-то обдумывая, – Скажите, а возможно отличить подлинник от подделки невооруженным взглядом? Без проведения экспертизы.

– Ну, я думаю, что если подделка выполнена на низком профессиональном уровне, специалист определит это сразу.

– У вас есть такой человек?

– Да, конечно. И не один. Только я не могу понять, зачем вам все это? Постойте..., – Ольга Львовна вдруг побледнела, – Куда вы клоните. Не хотите ли вы сказать, что картины...

– Я только предполагаю. Посмотрим, что скажет эксперт.

Олег, стоя перед дверью, сверился с адресом, указанным на клочке бумаги. Так и есть, все совпадает. Он заранее договорился о встрече и уже по дороге обдумывал предстоящий разговор. Подойдя к лифту, он едва не столкнулся лицом к лицу с каким-то парнишкой в кожаной куртке и мотоциклетном шлеме, закрывающем большую часть лица. Лишь глаза, словно с усмешкой, лишь на мгновение скользнули по Олегу. Парнишка почти бегом выскочил из подъезда. Олег вспомнил, что заметил около дома чей-то красивый спортивный мотоцикл. И через секунду, словно в подтверждение этого, раздался рев мотоциклетного двигателя. Он невольно позавидовал парню. В свое время он и мечтать не мог о таком мотоцикле. Да и другие мальчишки в его поселке тоже.

Дверь открыл молодой парень, лет двадцати, в спортивном костюме. Он приветливо поздоровался и пригласил в комнату.

– Вы сказали, что у вас есть некое предложение, по поводу работ Оганова. Я вас слушаю, – молодой человек, которого звали Виктор, уселся в кресло, напротив Олега.

– Да. Дело в том, что у меня есть одна из картин Оганова.

– Да? И сколько же вы за нее хотите? – парень подался вперед.

– Извините, но я хотел бы просить вас продать мне вашу картину.

– Постойте. Я не пойму. Так вы пришли сюда купить картину, а не продать?

– Совершенно верно.

– Интересно, – Виктор минуту помолчав, вдруг поднялся и скрылся в другой комнате.

Через несколько секунд он вернулся, держа в руках картину. Это был пейзаж, который он уже видел у покойной старушки. Поле, речка, облака.

– И сколько вы готовы мне за нее заплатить?

– Я могу лишь предложить вам телефон одного человека. Думаю, он хорошо вам заплатит.

– Хорошо – это примерно сколько?

– Ну не знаю. Тысячу, полторы. Долларов.

– Так, так, – Виктор, улыбаясь, откинулся назад в кресле, – значит, вы тоже читали эту статью.

– Какую статью? – не понял Олег.

– Да бросьте, – парень положил картину на стол, – После опубликования писем Оганова в журнале «Мир искусства», все словно с ума сошли, охотясь на его работы. А еще месяц назад о нем и слыхом ни слыхивали.

– Каких писем? Я ничего не знаю, – Олег удивленно пожал плечами.

– Ну, как же, – Виктор встал с кресла и взял с полки для книг, иллюстрированный журнал, – Скажете, что первый раз об этом слышите?

Олег взял в руки журнал и стал вглядываться в напечатанные строки.

– Что это?

– Письма художника Оганова своей жене. Написаны в форме дневника.

– Ну и что? Какая связь между опубликованием его писем и спросом на его работы?

– Вы действительно не читали?

Олег отрицательно покачал головой.

– В письмах сам Оганов пишет, что его работы стоят целого состояния.

– Ах, вот вы про что! – Олег облегченно вздохнул, – и вы попались на эту удочку.

– А вы разве нет? – с ухмылкой парировал Виктор, – вы ведь тоже скупаете его картины.

– Не совсем так. У меня немного другой случай.

– В каком смысле – другой?

– Ну, хорошо. Я скажу. Просто я нашел солидного клиента, который хорошо платит.

Но ему для коллекции нужно хотя бы еще одна работа Оганова. Вот я и ищу.

– Это еще раз подтверждает то, что на Оганова растет спрос. Мне также уже звонили и предлагали за него немалые деньги.

– Вот как? И почему вы ее не продали?

– Хм. Я жду, когда за нее предложат действительно хорошую цену.

– И сколько, по-вашему, реальная цена вашей картины?

– Пятьдесят тысяч. Как минимум.

– Долларов?

– Евро конечно, – Виктор усмехнулся.

– Круто, – Олег присвистнул, неужели вы думаете, что кто-то даст вам за нее такие деньги?

– Уверен.

– Ну, не знаю.

– И вам советую не продешевить. Я верю в то, о чем писал в дневниках Оганов. Его работы стоят дорого. Так что передайте вашему клиенту, что дешевле я ее не продам.

Проводив Олега, Виктор снова вернулся в комнату.

«Я был прав, – размышлял он, – на Оганова повышен спрос. Возможно и та цена, которую он называл Олегу, не окончательна». Он задумчиво улыбнулся. Мечта купить себе автомобиль, почти сбылась. Нужно лишь немного подождать. В этот момент в квартиру снова позвонили.

– Кто там?

– Я по объявлению. Вы продаете картину?

На площадке стоял худощавого вида мужчина, с кожаным портфелем в руке.

«Ну, вот и начало аукциона», – подумал довольный Виктор и открыл дверь.

– Только предупреждаю вас заранее, – обратился он к мужчине, приглашая его в комнату, – эта картина стоит дорого.

– Я знаю об этом, – мужчина посмотрела на Виктора в упор, и от этого взгляда парню почему-то стало не по себе.

Олег покидал квартиру с растерянным видом. Неужели Виктор прав и картины действительно имеют цену. И ему вовсе не стоит торопиться с продажей. Вот так дилемма. Вроде бы на картину уже есть покупатель, но цена, о которой упоминал Виктор, и та, которую ему предлагали, была просто несопоставима.

Олег набрал телефон Стоцкого

– Алло, Альберт Леонидович?

– Да, Олег, я слушаю. Вы хотите меня чем-то порадовать?

– В общем, и, да и нет

– То есть?

– Я нашел еще одного Оганова.

– Это хорошо. Я вас поздравляю.

– Но ее владелец просит за нее кругленькую сумму.

– Да? И сколько?

– Пятьдесят тысяч. Евро.

– Что? Он, наверное, сумасшедший.

– По виду не скажешь. Более того. Он утверждает, что спрос на Оганова растет. Ему уже предлагают за нее хорошие деньги. Так что и эта цена не окончательная.

– Теперь я точно уверен, что он сумасшедший. Он блефует. Таких денег ему никто не даст.

– А что делать мне?

– Ну не знаю. Попробуйте поискать еще. Может быть, удастся найти кого-то менее амбициозного.

Олег задумался. Хорошенькое дело, найти картину. И как это сделать, если нет информации о владельце. Но даже, если он его найдет, где гарантия, что он захочет ее продать. Получается какой-то тупик. Олег прошел в свою комнату и включил автоответчик. Ничего интересного на записи не было, кроме одного звонка. Звонивший сообщал, что интересуется Огановым и перезвонит после пяти часов вечера. Олег взглянул на часы и в этот момент раздался телефонный звонок.

– Алло, я могу поговорить с Олегом Азаровым?

Голос был хриплым, толи от простуды, толи от чрезмерного воздействия алкоголя и табака, и принадлежал мужчине, чей возраст трудно было определить.

– Да, я слушаю.

– Я звоню вам по объявлению. Меня интересует картина. Вы догадываетесь, о чем идет речь?

– Вы имеете в виду «Скорбные проводы»? – Олег не сомневался, что речь идет именно о ней. Других картин у него не было. Не считая копии «Черной купальщицы» конечно.

– Вот именно. Я хотел бы ее приобрести.

– Да, но... На нее уже есть покупатель. Извините.

– Да? И кто же он.

– Еще раз простите, но информацию о своих клиентах, я не даю, – Олег уже собрался положить трубку, но собеседник его остановил.

– Хорошо. Поставим вопрос по-другому. Сколько предложил вам за полотно ваш клиент?

– Это уже не важно.

– Ну, скажите. Разве это тайна? – упорствовал мужчина.

– Мне дают за нее пятьдесят тысяч. Рублей, – уступил Олег.

– Даю вам за нее семьдесят.

– Но я уже...

– Сто, – не давая опомниться, напирал незнакомец, – причем расчет мгновенный. Вы мне картину, я вам деньги. Или даже так. Я вам деньги, вы мне картину. Как говорится, утром стулья, вечером деньги. Только деньги вперед. Можно прямо сейчас, не откладывая. Ну, так как, договорились?

Олег был в замешательстве. С одной стороны у него уже договор со Стоцким. Тут ему светит пятьдесят тысяч, минус процент Альберту Леонидовичу. Здесь же целых сто, и никаких процентов. Явный выигрыш в деньгах, но потеря доверия Стоцкого и его клиента.

– Мне нужно подумать.

– Могу дать вам сутки.

– Хотя бы двое, – Олегу нужно было выиграть время. Ставки на картину действительно росли.

– Хорошо, – ответил незнакомец и положил трубку.

Глава 6

– Дядя Степа, открой, это я, Валек, – огромный, невысокого роста детина, с гладковыбритым черепом, барабанил в железную дверь. Через секунду послышался шум отпирающихся засовов. Слегка взмахнув рукой телохранителям, давая понять, чтоб оставались на месте, Валек протиснулся в приоткрывшуюся дверь.

– Здравствуй, Валентин! Какими судьбами, – Степан Никифорович Дайнеко, судорожно тряс руку парню.

– Не ожидал, дядя Степа? – здоровяк, небрежно скинул дорогие туфли и, пройдя в гостиную, по-хозяйски опустил в мягкое кресло. Движения его были привычны, словно это был его родной дом.

– Да ну, что ты, Валек. Ты же знаешь, я всегда рад тебя видеть. Просто что-то давно ты ко мне не заглядывал.

– Дела, дядя Степа, дела.

– Понимаю, – старик виновато улыбался, – чай, кофе?

– Ну, давай, что ли, кофе, – великодушно согласился парень, – коньяк ведь не предлагаешь.

– Что ты, Валек, откуда у бедного старика коньяк? – запричитал Дайнеко.

– Ладно, ладно, – отмахнулся здоровяк, – знаем, какие вы бедные. Кстати, это тебе.

Парень протянул пакет, набитый всякой снедью.

– Угощайся.

– Ну, что ты, Валентин, – закачал головой Степан Никифорович, – не стоило так беспокоиться.

– Бери, бери, дядя Степа, – Валек взял со стола пульт и включил телевизор, – сам себе, небось, такого не позволишь.

Дайнеко, продолжая причитать, поплелся в кухню.

Он знал Валентина Таранова еще с пеленок. А если быть точным, то он знал с пеленок еще его отца – Ивана. С Иваном они были одногодками и росли в одном дворе. Что такое расти в одном дворе, никому объяснять не нужно. Это и прятки, и футбол, и потасовки с соседскими мальчишками. В общем, все общее. До тех пор, пока они не стали взрослыми. Потом их пути разошлись. Степан поступил в ВУЗ, а Иван по этапу в тюрьму за хулиганство. Да так и оставался там, лишь изредка выходя на волю. В один из таких промежутков между ходками, Ивану удалось даже жениться и родить сына, которого и назвал Валентином. Но вырастить и воспитать сына ему не довелось. Пробыв с семьей всего год, полтора, он снова «загремел» на «зону», да так и сгинул где-то без вести на далекой колымской чужбине. К тому времени Степан Дайнеко уже выучился и потихоньку осваивал профессию отца. А именно скупать и продавать различного рода антиквариат. Он давно усвоил, что дело это очень прибыльное. Продав какую-нибудь старинную безделушку, можно было заработать столько, сколько на госпредприятии понадобилось бы несколько месяцев. Сын же Ивана, Валентин, рос без отца, бегая по двору полуголодным в рваных штанишках. Мать Валентина, работала то прачкой, то посудомойкой в столовой, и едва сводила концы с концами. Дайнеко же в память о былой дружбе с Иваном, жалел мальчишку и всячески старался хоть чем-то ему помочь. Иногда он приглашал его к себе домой в гости и потихоньку подкармливал. Либо подкладывал под дверь его квартиры игрушку и наблюдал издали, как малыш радовался, воспринимая это не иначе, как чудо. А может он думал, что по ночам, когда он спит, к нему приходит его отец и оставляет подарки.

Время шло и мальчик подрастал. И вскоре из угловатого заморыша, тот вдруг превратился в крепкого здорового парня, точной копией своего отца. Но к огорчению не только Степана, но и всех жителей округа, Валентин перенял от отца не только внешний вид, но и его

буйный нрав, и неукротимый характер. За что и получил созвучную своей фамилии Таранов, кличку Таран. Одно его упоминание, приводило в трепет все законопослушное население не только их района, но и почти всего города. Иногда, встречая Тарана в окружении своих дружков – приятелей, Степан Дайнеко вежливо здоровался с ним, стараясь побыстрее прошмыгнуть мимо и мысленно прикидывая в уме, когда же Валентин отправится по местам былых сидок своего отца. Но он ошибся. В начале девяностых все будто перевернулось с ног на голову. И бывшие бандиты, вдруг стали уважаемыми людьми. Их даже стала побаиваться милиция. Вернее милиция стала с ними дружить. Таран был не исключением. Сколотив вокруг себя банду, он подмял под себя весь бизнес в округе. Слово «рэкет», наводившее поначалу на коммерсантов ужас, прочно вошло в лексикон и его перестали бояться. То есть все стали платить дань. И платить естественно Тарану. Единственным человеком, которого все же не тронули бандиты, был Степан Никифорович Дайнеко. Толи из-за давней дружбы дяди Степы с его отцом, толи он помнил хорошее к себе отношение, но Валентин словно взял шефство над антикваром. Хотя конечно наверняка знал, что Дайнеко, человек далеко небедный. Прошли годы. Минули громкие кровавые разборки между враждующими бандитскими группировками, в которых полегло народу не меньше, чем в какой-нибудь локальной междоусобной войне. И оставшиеся в живых бывшие авторитеты, воры в законе с традиционными татуировками на различных частях тела, перевоплотились в разного рода преуспевающих людей. Они стали банкирами, владельцами гостиниц, ресторанов, казино. Многие даже пошли в политику и стали видными деятелями. Единственное, от чего не могли никак избавиться бывшие бандиты, и что выдавало их с головой, так это была их хамская манера поведения, сопровождаемая тюремным жаргоном и распальцовкой на руках. Валентин Таран также сменив спортивный костюм «Адидас» на дорогую тройку и 99-ю модель Жигулей на Мерседес, выглядел теперь не хуже тех уважаемых мужчин, ослепительно улыбающихся с обложки журнала «Бизнес и люди». Хотя так и остался с уголовным нутром. Не забывал он и про дядю Степу, как он называл Дайнеко и частенько к нему навещался. Не сказать, что Степан Никифорович был рад этим визитам Тарана, но встречал его приветливо, как старого приятеля, едва скрывая предательскую дрожь в коленках. Ему все время казалось, что Валек явится однажды к нему и предложит «„поделиться“» нажитым добром, якобы в счет его многолетнего покровительства. А то и просто придушит. По глазам видно, ему это ничего не стоило.

– Как жизнь, дядя Степа? – Валек, развалившись в кресле, медленно отхлебывал парящий кофе.

– Да как у всех в моем возрасте. Ха! По-стариковски. Что нам остается? Постель, аптека, телевизор.

– Да брось ты, дядя Степа, – Таранов хитро улыбаясь, подмигнул глазом, – Ты еще крепкий для старика. Небось, по девкам-то еще бегаешь?

– Бог с тобой, Валентин, – засмутился старик, – какие девки?

– Да шучу я, шучу, – рассмеялся парень, – ты мне вот что лучше скажи. Никто тебя здесь не обижает?

– Да кому мы старики нужны. Кто нас может обидеть, разве что наше любимое государство.

– Ну не скажи, дядя Степа, – Валек лениво потянулся и, достав из вазы самое крупное яблоко, смачно откусил, – времена нынче лихие. Старого и слабого всяк норовит обидеть. Вон у тебя в доме картинок повешено. Небось, недешевые, а?

Дайнеко напрягся, лихорадочно соображая, куда клонит Валек.

– А у меня телефон под рукой, – поспешил ответить он, – если кто сунется, сразу полицию вызову.

– Хм! Полицию, – усмехнулся Таран, – да что может эта полиция. Бабушек на рынке пугать, да водку жрать на халяву. Тьфу. Ты лучше, дядя Степа вот что скажи. Я ведь знаю,

еще папашка твой, царствие ему небесное, собирал всякие там дорогие безделушки. Ну а ты его дело продолжил. Ведь так?

«Вот оно, началось» Степан Никифорович побледнел, чувствуя, как затряслись колени. Чашка с кофе едва не вывалилась из рук. Но Таран, словно не замечал этого.

– За всю жизнь, небось, немало добра скопил? А?

– Да какое там добро, ха, ха, – Дайнеко пытался унять дрожь, – так, ерунда. Есть, конечно, кое-что фамильное. Из поколение в поколение, так сказать. Ну и так, на черный день немного...

– Я так думаю, что твое «немного» на несколько «лимонов» баксов потянет.

– Да что ты, Валек, я...

– Я к тебе с дельным предложением, дядя Степа. Если хочешь спать спокойно, доверь свое добро мне. И я тебя уверяю, у меня оно будет надежней, чем в швейцарском банке.

Вот так. Отдай все и можешь спать спокойно. Вечным сном. Лицо Дайнеки покрылось испариной. Он не знал, как воспринимать слова Валентина, толи как предложение, толи как приказ.

– Ну что ты, Валек. Зачем все эти хлопоты. Да и не столько у меня добра, сколько ты думаешь. Сплетни завистников.

– Ну, как знаешь, дядя Степа, – Таран бросил огрызок в хрустальную пепельницу, – тогда может к тебе пару моих парней приставить. Для охраны?

«Еще лучше, – со страхом подумал Дайнеко, – Пусты козла в огород. Опомниться не успеешь, как эти бандюгаи свернут тебе шею».

– Н... нет. Спасибо. Я уж как-нибудь сам за себя постою. Еще кофе? – Степан Никифорович всячески старался побыстрее сменить тему.

– Ну, нет, так нет, дядя Степа, – Таран тяжело поднялся с кресла, – мое дело предложить. После ухода Таранова, Дайнеко подошел к шкафчику, где хранились лекарства.

«Ничего, – думал он, принимая валидол, – никто ничего не найдет. Уж он-то об этом позаботится».

Глава 7

В это утро Олег не знал, радоваться ему или огорчаться. Спозаранку позвонил Стоцкий и дрожащим от волнения голосом сообщил, что он передал весь их прошлый с Олегом разговор своему клиенту и он, то есть она согласна удвоить сумму за полотно. С условием, что воочию убедится, так ли хороша работа, как она выглядит на фото.

– Мне кажется, – пожаловался Альберт Леонидович, – что я уже ничего не понимаю в искусстве. Видимо прав был Оганов. И его картины действительно стоят денег.

– Когда можно встретиться с этой...

– Ее зовут Надежда Сергеевна Вербицкая. Можешь подъехать в любое время. Сегодня она свободна.

«Ну что ж, – Олег присел на диван, растерянно улыбаясь, – это хорошая новость».

Но его все-таки мучили сомнения, не продешевил ли он, как предупреждал его Виктор. Но все же Олег успокаивал себя тем, что уж лучше синица в руках, нежели журавль в небе. Быстро упаковав картину, он отправился на встречу.

Дом, в котором проживала Вербицкая, находился в элитном районе города, прозванном в народе «Санта Барбарой» за вызывающие своей роскошью и причудливой архитектурой особняками, возвышавшиеся за высокими каменными заборами. Олегу пришлось брать такси, так как общественный транспорт в этот район не ходил. Он быстро отыскал нужный дом. Это был двухэтажный особняк из красного итальянского кирпича и зеленой черепицей из метало-пластика. Нажав на кнопку звонка в домофоне, он стал терпеливо ждать. Прошло полминуты, минута, но никакой реакции не последовало. Олег позвонил еще и еще. Результат был тот же. Он тихо выругался.

– Черт! Наверное, Стоцкий что-то напутал. Либо адрес дал не тот, либо хозяйка куда-то отлучилась.

«А может, неисправен звонок?» – пришла мысль Олегу, и он забарабанил кулаком в железную дверь калитки. К его удивлению, дверь со свойственным металлическим скрежетом подалась вперед и отворилась. Олег просунул голову и заглянул во двор. Недалеко от дома на зеленой лужайке лежала огромная собака, по виду напоминавшая кавказскую овчарку. Впрочем, никак не реагирующую на появление чужака. Мохнатый пес, положив могучую голову себе на лапы, пускал слюни и жалобно поскуливал.

– Хороший песик, – Олег осторожно ступил во двор, не сводя с собаки глаз, – ну-ка, позови свою хозяйку.

Но пес не шелохнулся, продолжая скулить. Олег напрягся. Что-то во всем этом его настораживало. Незапертая калитка, хотя на стук никто не отвечает. Собака также ведет себя очень странно. Олег подошел поближе к дому и постучал в дверь.

– Эй, хозяйка, есть кто-нибудь?

Снова тишина. Олег терялся в догадках. Если он пройдет в дом, и его застанут хозяйка, вышедшие скажем за хлебом, будут большие неприятности. И ему трудно будет объяснить, что он здесь не с плохими намерениями. Но если в доме грабители... А если у хозяйки сердечный приступ? Олег принял решение и, спрятав под порог сверток с картиной, смело вошел в дом.

– Надежда Сергеевна, – громко позвал он, – я от Стоцкого. По поводу...

Олег не договорил. Сделав шаг вглубь дома, он почувствовал, как что-то тяжелое опустилось ему на голову. Перед глазами поплыли разноцветные круги, и он почувствовал, что теряет сознание.

Сколько Олег пролежал на полу в прихожей, он не знал. Приоткрыв глаза, он тут же застонал от острой боли в затылке. Олег приподнялся на локте и ощупал место ушиба. Пальцы рук ощутили что-то влажное.

– Кровь, – догадался Олег. Откуда-то из глубины дома до него донеслись звуки, напоминающие те, что издавал во дворе пес. Олег встал и пошатываясь пошел на звук, словно на маяк. Он долго бродил по дому, заглядывая в многочисленные его комнаты и никак не мог понять, откуда доносятся эти странные звуки. Пока, наконец, не набрел на просторную ванную комнату. Олег открыл дверь и увидел странную картину. В самой ванной, связанная по рукам и ногам и кляпом во рту, лежала женщина. В ее широко распахнутых глазах стоял ужас.

Следователь Ордынцев вошел в свой кабинет, громко хлопнув за собой дверью. Минуту постоял, словно прислушиваясь к гулким ударам своего сердца.

«Нет, Серега, так нельзя, – приказал он сам себе, – держи себя в руках. И все эти негативные эмоции выплескивай там, где тебя никто не видит и не слышит».

Причиной его скверного настроения был очередной вызов на «ковер» к начальству. И с чего вдруг оно на него взъелось? Плохой процент раскрываемости? А когда он был хороший. Растет преступность. А чего ей не расти. Власть сама хороший пример подает. Только трогать ее никто не смеет. Законы не для нее. Она выше законов. Да ладно. Нужно успокоиться. Ничего не случилось. Пожурили малость, не впервой. Все остается на своих местах. Он налил из графина воду в стакан и залпом осушил его. Стало немного легче. Можно теперь и сосредоточиться на текущих делах, хотя разговор с полковником Никоновым, не выходил у него из головы. С чего это он набросился именно на него на утреннем совещании. Показатели раскрываемости у него ничем не хуже, чем у других. А по некоторым показателям, даже выше. Нет, причина не в этом. Вывело его из себя то, что Ордынцев поведал ему о подозрениях, возникших у него, по поводу пропавших коллекционеров. На что полковник принялся ругать его и упрекать в том, что Ордынцев де занимается не тем, чем положено. А именно доводить до конца уже имеющиеся в производстве дела. А находить ушедших из дому стариков, это работа патрульно-постовой службы и рядовых милиционеров, а никак не старшего следователя. Обычно Никонов всегда сдержан в выражениях и не позволяет грубостей в отношении с подчиненными. Но сегодня он просто вышел из себя. Хотя его тоже можно понять, год до пенсии. Не хочется под конец портить отношения с руководством. Видимо его начальство тоже недоволено. А Ордынцев просто попал под горячую руку. Может, зря он затеял это неслабое расследование. Хотя оно здесь не при чем. Просто впредь нужно быть осторожным, чтобы лишние разговоры не доходили до ушей начальства. А то, что были «доброжелатели», он не сомневался. Все, что творилось в отделе, немедленно становилось известно начальству. Ордынцев лукавил, говоря, что у него лишь есть подозрения насчет коллекционеров. У него были факты. И еще какие факты! Просто было не время о них еще сообщать. А началось все с того, что в ванной антиквара Янгеля были обнаружены частички крови. Это установила экспертиза. Кровь, как выяснилось, принадлежала хозяину дома. Но само по себе наличие частичек крови ни о чем не говорит. Возможно, пошла носом при повышенном давлении, а мог просто порезаться, когда брился. Самое интересное началось, когда прилетел из Америки сын Марка Давидовича, Борис. Оказывается в доме его отца, был оборудован тайник, где хранились все его ценности, включая самый дорогой антиквариат и деньги. Тайник находился в подвале дома и представлял собой огромных размеров сейф, искусно закамуфлированный под кирпичную кладку. Кроме их двоих, о сейфе не знал никто. Когда сын открыл сейф, тот оказался пуст. Никаких следов взлома обнаружено не было. И как ни странно, ни одного отпечатка пальцев тоже. И если даже предположить, что Янгель уходя из дому, прихватил все свои ценности, то почему не оставил отпечатков. В доме у Ольги Львовны всех также ожидал сюрприз. Эксперт, едва взглянув на «Портрет мальчика», без колебаний ответил, что это подделка. Хотя

и выполнена неплохо с точки зрения профессионализма. Ольга Львовна услышав такой вывод, едва не упала в обморок. Что ж, примерно этого Ордынцев и ожидал. И не скрывал радости. Нет, конечно, он радовался не по поводу подмены картины. Его радовало то, что была нащупана ниточка. Которая и должна вывести его на весь клубок. Это была уже серьезная зацепка. Конечно, можно было бы сомневаться на счет сроков, а именно когда была совершена подмена. Но следователь почему-то был уверен, что кража по времени совпадала со временем исчезновения коллекционера.

– Скажите, – следователь взял под руку эксперта и отвел в сторону, чтобы поговорить наедине, – я так понимаю, что копию с картины мог сделать человек, который вхож в дом Ольги Львовны?

– Вовсе не обязательно, – покачал головой мужчина, – картины известных мастеров существуют во многих каталогах.

– Но как преступник мог узнать об этой картине? То есть то, что именно эта картина находится именно в этом доме, чтоб подменить ее? Ведь Ольга Львовна утверждает, что о ней знали лишь ограниченный круг лиц.

– На этот вопрос, боюсь, придется отвечать вам, – грустно улыбаясь, произнес эксперт.

«Ну что ж, картина происшедших событий начинает потихоньку проясняться. Пропавшие коллекционеры попросту стали жертвами злоумышленников, – размышлял следователь, – вот только кто эти люди? Совершенно ясно, что они хорошо осведомлены. Им известны имена не только богатых коллекционеров, но и содержимое их коллекций».

Его раздумья прервал нерешительный стук в дверь.

– Да, проходите, – Ордынцев сел за свой стол.

– Это я, Лисицын, – Андрей протиснулся в дверь, – Палыч, ты того, не обращай внимание. Старику скоро на пенсию, вот и лезет из кожи. А тут еще я слышал, что ему из прокуратуры звонили. Видимо делали внушение....

– Да ладно, – махнул рукой Ордынцев, – проехали.

С Андреем Лисицыным у них сложились нормальные дружеские отношения. Андрей был намного моложе Ордынцева, и тот позволял называть себя Палыч. Хотя рамки субординации никогда не нарушались. Лисицын был один из немногих, кому мог полностью довериться Ордынцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.